

ИЗБРА ННЫЕ

Новинка от автора романов «Знак» и «Дивергент»

ВЕРОНИКА РОТ

Вероника Рот

Избранные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53822479

Избранные: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-110773-4

Аннотация

Прошло 10 лет с тех пор, как пять подростков победили Темного, сеявшего хаос по всей Северной Америке. Тогда катастрофа ровняла с землей города и уносила тысячи жизней.

Слоан Эндрюс, Эстер Парк, Альберт Саммерс, Инес Мехия, Мэтью Уикс. Пять Избранных, которым снова предстоит доказать свою исключительность, и Агентство по Исследованию Сверхъестественных Явлений. Темная фигура среди городского апокалипсиса и магия, разрушающая мир. Вернется ли жизнь когда-нибудь в нормальное русло? И какой ценой?

Содержание

Часть первая	5
1	16
2	24
3	40
4	49
5	62
6	70
7	82
8	92
9	116
10	125
11	135
12	142
13	152
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Вероника Рот

Избранные

*Чикаго, городу, который многое претерпел и
выстоял*

Veronica Roth
Chosen Ones

Copyright © 2020 by Veronica Roth

© Мальцева-Самойлович М.И., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, ООО «Издательство «Экс-
мо», 2020

Часть первая

ВЫДЕРЖКА ИЗ СТАТЬИ

Комедийная артистка Джессика Крис,

Фабрика Смеха, Чикаго, 20 марта 2011 г.

У меня вопрос: как, черт возьми, мы не нашли ничего лучшего, чем придумать ему прозвище «Темный»? Этот парень появляется из ниоткуда в облаке гребаного дыма или чего-то еще, буквально разрывая людей на части – очевидно, используя только силу своего разума, – набирает армию последователей, ровняет с землей целые города, вызывает уровень разрушения, который мы еще до конца не смогли осознать... а мы только что и смогли, как назвать его «Темным»? С таким же успехом мы могли бы назвать его в честь жуткого парня в вашем офисе, который смотрит на вас в лифте на пару секунд дольше. Ну, вы знаете, такой с потными, мягкими ладошками? Тим. Его зовут Тим.

Лично я бы назвала его «Предтеча катастрофы в челове-

ческом обличье» или «Страшная машина для убийства, черт возьми», но, к сожалению, мое мнение по данному вопросу мало кого интересует.

ВЫДЕРЖКА ИЗ СТАТЬИ

«Темный и Формирование Современной Магии»

Профессор Стэнли Вишневски

Едва ли кто может поспорить, что малопонятная сила, которую мы в быту называем «магией», всегда существовала на Земле в той или иной форме. С самых ранних времен человечеству известны легенды о сверхъестественном: это *магои*, описанные Геродотом, умеющие управлять ветром, и джедаи Древнего Египта, которые обезглавливали и воскрешали птиц, гусей и пеликанов, о чем записано в Папирусе Весткара; эта сила, возможно, является неотъемлемой частью почти всех основных религий – от Иисуса Христа, превратившего воду в вино, до практик гаитянских вуду, до буддистов-тераветов, левитирующих в Диргха Агаме, хотя стоит заметить, что сами практикующие верующие не называют это «магией».

Подобные легенды, большие и маленькие, появлялись в разных уголках нашей планеты на протяжении всей истории человечества. Раньше ученые говорили, что это просто характерно для человеческой природы – нам нужно сочинить некий образ, чтобы объяснить вещи, которые являются для нас непонятными, или мы возвеличиваем тех, кого считаем лучше или сильнее нас самих. Но затем на Землю пришел Темный, а вместе с ним на нас обрушились Сливы – печально известные явления, несущие за собой катастрофы, которые не поддаются объяснению, несмотря на смелые попытки ученых доказать обратное. Возможно, в древних легендах нет ни одного зерна правды. Но, возможно, сверхъестественная сила – эта малопонятная энергия, которая вторгается сейчас в наш мир, – существовала на протяжении всей истории человечества.

Какой бы теории мы ни придерживались, ясно одно: никакая «магия» никогда не была столь же простой и могущественной, как так называемые Сливы Темного, чья сила направлена на уничтожение всего живого на Земле. Целью данной статьи является изучение различных гипотез о причине возникновения подобных явлений. Другими словами, почему именно сейчас? Какие обстоятельства привели к появлению Темного? Какую цель он преследовал, пока был здесь, до тех пор, пока он не погиб от рук наших Избранных? Ка-

кое влияние он оказал на планету после своей смерти?

СЛОАН ЭНДРЮС ПОФИГУ НА ВСЕ (РЕАЛЬНО)

Рик Лейн

Gentry Magazine 24 января 2020

Я не люблю Слоан Эндрюс. Но я бы хотел переспать с ней. Мы встречаемся с ней в кафе по соседству с ее домом, в одном из ее обычных убежищ – как она их называет. Кажется, бариста не видит в ней ни клиента, ни одного из тех самых пяти подростков, которые победили Темного почти десять лет назад. Что, честно говоря, мне пришлось по душе, потому что всемирно известное лицо Слоан Эндрюс – это тот идеальный, чистый бренд красоты, глядя на который так и тянет подпортить его. Даже если на ней нет макияжа, это незаметно. У нее чистая кожа и большие голубые глаза, она просто ходячая реклама косметики. Она заходит в кафе, на ней кепка фирмы Cube, из-под которой по всей спине струится длинный каштановый конский хвост, серая футболка, подчеркивающая все нужные места, рваные джинсы, которые облегают длинные стройные ноги, пара кроссовок. Ее

одежда как бы говорит нам о том, что владелицу не парят ни тряпки, ни ее обворожительное стройное тело, завернутое в эти самые тряпки.

И в этом вся Слоан: я верю ей. Я верю, что ей все по барабану, и в первую очередь я. Ей не хотелось давать интервью. Она пошла на это только потому, что ее парень Мэтью Уикс, один из Избранных, попросил Слоан поддержать выход его новой книги *«Все еще Избирая»* (релиз 3 февраля).

Предварительно договариваясь об интервью, она не особенно фонтанировала идеями о том, где мы сможем встретиться. Несмотря на то что каждая собака в Чикаго знает, где живет Слоан – в северной части района Аптаун, в нескольких кварталах от шоссе Лейк Шор Драйв, – она категорически отказалась принять меня у себя дома. «Я никуда не хожу, – написала она. – Ко мне пристают и достают меня. Так что если вы не собираетесь взять у меня интервью во время пробежки, то встречаемся в кофейне Java's Joe или нигде».

Я был не очень уверен, получится ли у меня бежать и записывать одновременно, поэтому мы встретились в Java's Joe.

Ее кофе стоит перед ней, она снимает бейсболку, и волосы падают ей на лицо, будто она только что перекувыркнулась на кровати. Но что-то в ее лице – может быть, слегка близко посаженные глаза, или то, как она наклоняет голову, когда ей не нравится, что ты сейчас сказал, – делает ее похожей на хищную птицу. Она одним взглядом меняет нас ролями –

теперь насторожился я, она спокойна. Я пытаюсь нащупать почву вокруг своего первого вопроса. Обычно мои собеседники начинают улыбаться, пытаюсь понравиться мне, она же просто молча смотрит на меня.

– Ближится десятилетний юбилей со дня победы над Темным, – спрашиваю я. – Какие ощущения по этому поводу?

– Ощущаю себя выжившей, – у нее суровый и резкий голос. От него вдоль всей спины бегут мурашки, я пытаюсь понять, хорошо это или плохо.

– Ты чувствуешь себя победителем?

Она закатывает глаза.

– Следующий вопрос, – отвечает она и делает первый глоточек кофе.

И в этот момент я понимаю: она мне не нравится. Эта женщина спасла тысячи, нет, миллионы жизней. Черт, возможно, она так или иначе спасла и *мою* жизнь. Когда ее имя было названо пророком среди пятерых – тех, кто сможет победить самое могущественное воплощение чистого зла, ей было тринадцать. Она выжила в многочисленных сражениях с Темным – включая короткое похищение, подробности которого она никому не раскрывала, – выйдя из них невредимой, красивой восемнадцатилетней девушкой, которая стала самым знаменитым воином за всю историю человеческой славы. В довершение всего, она долгие годы встречается с Мэтью Уиксом, золотым мальчиком, Избранным среди Избранных, которого многие считают самым добрым че-

ловеком из всех живущих. Но она все равно не нравится мне.

А ей пофигу.

Вот почему я хочу переспать с ней. Как будто, раздев ее и положив в постель, я смог бы вытащить из нее хоть какое-то тепло, расшевелить ее на эмоции. Она превращает меня в альфа-самца, охотника, одержимого стремлением уничтожить самую неуловимую добычу на планете и прибить ее голову на стену моей гостиной в качестве трофея. Возможно, именно поэтому, когда она выходит куда-нибудь из дома, люди начинают приставать к ней – не потому, что они любят ее, а потому, что они *хотят* любить ее, хотят, чтобы и она стала способна любить.

Когда она ставит кружку, я вижу на тыльной стороне правой руки шрам. Широкий, растянутый, неровный. Она никогда не рассказывала, откуда он, и я уверен, что и мне не скажет, но я все равно должен спросить.

– Бумагой порезалась, – отвечает она.

Я уверен, что здесь подразумевалась шутка, поэтому улыбнулся. Я спрашиваю, собирается ли она посетить открытие Памятника Десятилетию, инсталляцию современного искусства, установленного на месте победы над Темным, и она говорит мне, что пойдет, поскольку это является «частью шоу». Это звучит так, будто вместо работы по призванию ей на бирже труда всучили вакансию в банальном офисе.

– Звучит так, будто тебе это не по душе, – говорю я.

– И что же меня выдало? – ухмыляется она.

Готовясь к интервью, я опросил нескольких друзей, что они думают о ней; мне надо было понять, как среднестатистический гражданин воспринимает Слоан Эндрюс. Один из них заметил, что он никогда не видел, как она улыбается, и вот я сижу напротив и гадаю, а улыбается ли она вообще когда-нибудь. Я даже удивляюсь вслух – мне любопытно, как она отреагирует.

Как оказалось, не очень.

– А если бы я была мужиком, – ответила она, – ты бы меня спросил об этом?

Я начал уводить нас от этой темы со скоростью звука. Все это напоминало уже не разговор, а игру в «Сапера»: мое напряжение возрастает с каждой клеточкой, на которую я нажимаю, и с каждым нажатием возрастает шанс того, что я все же попаду на ту самую мину. Я щелкаю по кнопочке еще раз и спрашиваю, связано ли это время года с ее воспоминаниями. «Я стараюсь не думать об этом, – говорит она. – Если бы я думала об этом, моя жизнь превратилась бы в гребаный рождественский календарь. В каждом дне еще одна шоколадка Темного, только в другой обертке, а на вкус все как дерьмо». Я еще раз нажимаю на кнопочку, спрашивая, а есть ли какие-нибудь хорошие воспоминания. «Вы же знаете, что мы все дружим? И всегда будем дружить. Когда мы вместе, мы шутим без остановки». Уф. Полагаю, теперь можно уверенно спросить ее о четырех других Избранных. Эстер Парк, Альберт Саммерс, Инес Мехия и, конечно же, Мэтью Уикс.

Наконец, я попал в точку. Так называемые «Избранные» познакомились в 2006 году, и, хотя поначалу они не были друзьями, со временем они сблизились, а Мэтта выбрали своим лидером по зову сердца. «Он такой, какой он есть, – говорит Слоан, и это звучит так, словно ее это раздражает. – Он всегда берет на себя всю ответственность. Следит за тем, чтобы все было по правилам. Всякие такие штуки». Удивительно, но сначала она подружилась не с Мэттом, а с Алби. «Он был таким спокойным, – говорит она, и из ее уст это звучит как комплимент. – Каждый из нас потерял отца – это было частью пророчества, – но к моменту нашей встречи у меня это произошло не так давно, и мне не хватало спокойствия. Плюс он со Среднего Запада, как и я».

Альберт и Инес живут вместе в Чикаго – после того, как Инес определилась со своей гомосексуальностью, они поддерживают платонические отношения. Эстер в прошлом году уехала домой в Глендейл, штат Калифорния, чтобы заботиться о своей больной матери. Слоан говорит, что всем им расставание далось нелегко, но, к счастью, они все общаются и следят за Эстер на ее активной (и популярной) Insta! – страничке, где она делится всеми подробностями своей жизни в режиме реального времени.

– А что ты думаешь о движении «Все Избранные», которое появилось несколько лет назад? – спрашиваю я. Движение «Все Избранные» – небольшая, но влиятельная группа людей, выступающих за то, чтобы подчеркнуть роль, кото-

рую сыграли в победе над Темным все остальные Избранные, и считают несправедливым приписывать основную роль в случившемся Мэтью Уиксу.

Слоан рубит сплеча:

– Я думаю, что это смахивает на расизм.

– А некоторые из них утверждают, что ставить Мэтта на первое место среди равных – это сексизм, – подчеркиваю я.

– Сексизм – это не слушать то, что я говорю, и ставить под сомнение то, что я знаю как никто другой, – отвечает она. – Я думаю, что Мэтт – истинный Избранный, и говорила об этом много раз. Не делай вид, что, обесценивая его, делаешь мне одолжение.

Затем я перевел разговор с темы Избранных на тему Темного, и все пошло ко дну. Я спрашиваю Слоан, почему именно к ней Темный проявил особый интерес. Она смотрит на меня, делает последний глоток своего кофе, ставит кружку на стол, ее руки дрожат. Надевает бейсболку прямо поверх своих шикарных «только что из постели» волос и произносит: «На этом мы закончили».

«Раз она сказала – “всё”, значит, всё», – подумал я, обнаружив, что из кафе ее и след простыл. Я бросил на стол десятку и побежал за ней. Так просто она не уйдет. Я уже говорил, что Слоан превращает меня в охотника?

– Я упоминала про запрещенную тему, – бросается она на меня. – Вы помните, о чем я просила вас меня не спрашивать?

Ее лицо покраснело, она взбешена, она сияет, немного доминирующая, немного хитрая, вылитая шипящая уличная кошка. Почему же я так долго тянул и не решался ее разозлить? Я готов смотреть на это бесконечно.

Безусловно, под запретом оказалась тема ее особых отношений с Темным. Конечно, Слоан и не думала, что я буду играть по ее правилам, замечаю я. И это самое интересное в ней.

Она смотрит на меня, как на кусок бумажки в грязной уличной луже, посылает меня на три буквы и удаляется, перебегая дорогу на красный свет, теряясь в толпе. На этот раз я дал ей уйти.

Все Сливы были похожи друг на друга. Одинаково кричали люди, убегающие от гигантского темного облака хаоса, от которого еще никому не удавалось убежать. Еще живые, они чувствовали, как их кожа отрывается от костей, как их кровь высасывается из них, будто сонмом комаров, *о Боже*.

Слоан задыхалась. «Тихо», – сказала она себе. Пальцы ног сжались. Здесь, в доме Темного, было холодно, он забрал у нее обувь. Ей нужно было найти что-то тяжелое или что-то острое – вряд ли ей удастся заполучить и то и другое, ей не настолько везло в жизни.

Она открыла выдвижные ящики, нашла ложки, вилки, кухонные лопаточки. Горсть резинок. Магнетики. Почему он отобрал у нее обувь? Почему серийный убийца боится ботинок Doc Martens девочки-подростка?

– *Привет, Слоан*, – прошептал он ей в ухо, и она задохнулась от слез. Выдернула еще один ящик, обнаружила кучу крючков, ножи в пластиковой коробке, лежащие лезвиями вниз. Она как раз вытаскивала нож для резки мяса, когда услышала за спиной скрип и шаги.

Слоан обернулась. Ноги прилипли к линолеуму. И ударила ножом.

– Твою мать! – Мэтт схватил ее за запястье, и какое-то время они смотрели друг на друга поверх ножа.

Слоан ахнула и вернулась в реальность. Она находится не в доме Темного в прошлом, а в квартире, в которой живет с Мэтью Уиксом.

– Господи!

Рука на рукоятке ножа ослабла, он упал на пол, подпрыгивая у ног. Мэтт положил ей руки на плечи, объятия его были теплыми.

– Ты тут? – спросил он.

Он спрашивал ее об этом раньше десятки раз. Их куратор Берт называл ее одиноким волком, он редко заставлял ее присоединяться к остальным во время тренировок или для выполнения заданий. «Пусть она занимается своим делом», – сказал он Мэтту, когда стало件нятно, что именно он стал лидером группы. – «Именно так вы добьетесь лучших результатов». Поэтому Мэтт проверял ее только по необходимости.

«Ты тут?» По телефону, шепотом, в глубокой ночи, прямо в лицо, когда она отключалась от действительности. Поначалу Слоан это раздражало. «Конечно, я тут, твою мать, где же я еще могу быть?» Но теперь он понимал то, что раньше никак не мог принять: она не всегда могла утвердительно ответить на этот вопрос.

– Да, – ответила она.

– О'кей. Ты постой здесь, хорошо? Я принесу тебе лекарства.

Слоан облокотилась на мраморную столешницу. Нож ле-

жал у ее ног, но она не осмеливалась снова прикоснуться к нему. Она просто ждала, дышала и смотрела на серые узоры, напоминающие ей контурами профиль какого-то старика.

Мэтт вернулся с маленькой желтой таблеткой и стаканом воды, который стоял у изголовья их кровати. Она взяла и то и другое дрожащими руками и с готовностью проглотила таблетку. Бензодиазепин принес долгожданное спокойствие. Однажды они с Инес, будучи навеселе, сочинили целую оду таблеткам, восхваляя их за красивые и яркие цвета, за мгновенное действие и за тот эффект, который могут принести лишь они и ничто другое.

Она поставила стакан с водой и опустилась на пол. Через свои пижамные штанишки – сегодня на ней были ее любимые, с кошками, стреляющими лазерами из глаз – она почувствовала холод, но сейчас ей было просто необходимо заземлиться. Мэтт прямо в трусах сел рядом с холодильником.

– Послушай, – начала она.

– Ты не обязана ничего говорить.

– Конечно, я тебя только что чуть не вскрыла ножом, какие уж тут извинения.

Его взгляд был теплым и взволнованным.

– Я просто хочу, чтобы с тобой все было хорошо.

Как называлась та жуткая статья? «Возможно, самый добрый человек из живущих на Земле»? По крайней мере, в этом она согласна с Риком Лейном, Мистером Ничтожество-2000. Мэтт всегда сводил брови так, будто был во-

всю заинтересован в другом человеке, и обладал настоящим сердцем, подходящим под звание, которое ему дали журналисты.

Он потянулся к ножу, который лежал на полу возле ее лодыжки. Нож был большой, размером с его предплечье.

Ее глаза вспыхнули – и она тут же их прикрыла.

– Мне, правда, очень жаль.

– Я знаю, ты не хочешь говорить об этом со мной, – сказал Мэтт. – Но, может быть, ты хочешь поговорить об этом с кем-нибудь еще?

– Например?

– Может быть, с доктором Новаком? Он сотрудничает с Министерством по делам ветеранов, помнишь? Мы работали с ним в центре для несовершеннолетних.

– Я не солдат, – сказала Слоан.

– Да, но он работает с ПТС.

Слоан никогда не ставили официального диагноза, но посттравматический синдром был у нее абсолютно точно. И все же было так странно услышать это от Мэтта. Он говорил так спокойно и буднично, как будто это какая-нибудь простуда.

– Хорошо, – кивнула она. – Я позвоню ему утром.

– Любому это пошло бы на пользу, понимаешь? – произнес он. – После всего того, через что мы прошли. Например, Инес ходила на терапию.

– Да, Инес начала терапию и до сих пор по всему дому выставлены ловушки, как в «Один дома», – произнесла Слоан.

– Согласен, не самый лучший пример.

Свет от лампы на задней лестнице струился через окна и заливал все оранжево-желтым цветом, контрастировавшим с темной кожей Мэтта.

– Вот тебе же это все не надо было, – сказала Слоан.

Он удивленно приподнял бровь:

– А где, ты думаешь, я пропадал целый год после того, как умер Темный?

– Ты говорил нам, что ходишь к врачу.

– А какой еще доктор будет назначать пациенту *ежесендельные* встречи в течение многих месяцев?

– Я не знаю! Я подумала, что там могут быть проблемы с... – Слоан неопределенно показала в район своей промежности. – Ну, понимаешь, мальчики, все такое.

– Правильно ли я тебя понимаю... – он улыбнулся. – Ты подумала, что у меня какие-то двусмысленные медицинские проблемы, которые потребовали полгода регулярных визитов к врачу... и ты меня *ни разу* не спросила об этом?

Она подавила смешок:

– Похоже, я тебя разочаровала.

– Нет, нет, я просто впечатлен.

Когда они познакомились, ему было тринадцать лет. Долговязый угловатый мальчик, он не понимал, где начинается и где заканчивается его тело, но уже тогда у него была вот эта улыбка.

Она влюблялась в него с полдюжины раз, прежде чем осо-

знала, что с ней случилось: когда он кричал, отдавая приказы под оглушительным воем Слива, спасая их жизни; когда он бодрствовал с ней в долгих ночных переездах по стране, в то время как все остальные уже спали; когда он звонил своей бабушке, и его голос становился мягче. Он ни о ком никогда не забывал.

Она начала водить большим пальцем ноги по плитке.

– Я была там раньше, знаешь? На терапии, – сказала она. – Когда нам было по шестнадцать, я походила пару месяцев.

– Да? – он немного нахмурился. – Ты никогда не говорила мне об этом.

Много чего она не говорила о себе ни ему, ни кому-либо еще.

– Я не хотела никого напрягать, – произнесла Слоан. – И до сих пор не хочу, так что... Просто не говори больше никому, хорошо? Не хочу увидеть это в гребаном «Esquire» с заголовком «А ведь Рик Лейн предупреждал».

– Конечно, – Мэтт взял ее за руку, их пальцы переплелись. – Нам надо возвращаться в кровать. Осталось четыре часа до подъема, и после мы должны быть на открытии памятника.

Слоан кивнула, потом они еще немного посидели на кухонном полу, пока не подействовала таблетка и ее не перестало трясти. Потом Мэтт убрал нож, помог подняться, и они оба отправились спать.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АИСЯ АГЕНТСТВО ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ (АИСЯ)

Октябрь 5, 2019

Мисс Слоан Эндрюс

■■■■■■■■■■

■■■■■■■■■■

ссылка: Н-20XX-74545

Уважаемая г-жа Эндрюс,

13 сентября 2019 года в офис координатора по вопросам Информации и Конфиденциальности поступил Ваш запрос от 12 сентября 2019 года, соответствующий закону О Свободе Информации (ОСИ) на получение информации или записей о проекте «Копия».

Многие из запрошенных записей остаются засекреченными. Тем не менее благодаря Вашей многолетней работе на правительство Соединенных Штатов мы предоставили Вам доступ ко всей информации, кроме самого высокого уровня допуска. Мы провели поиск в нашей базе данных записей, с которых снят гриф секретности, и нашли прилагаемые документы, в общей сложности 120 страниц, которые, как мы считаем, отвечают Вашему запросу. Плата за эти документы не взимается.

С уважением,
Мара Санчес,
координатор по вопросам Информации
и Конфиденциальности

Когда на следующее утро у Слоан зазвонил будильник, она тут же приняла еще одну дозу «бензо». Он будет ей необходим в течение дня: утром ее ждет открытие Монумента Десятилетия, памятника-мемориала погибшим при нападениях Темного, а уже вечером ей надо быть на празднике Десятилетия Мира, чтобы отпраздновать прошедшие годы со дня победы.

Город Чикаго заказал проект памятника художнику по имени Джеральд Фрай. Судя по его портфолио, свое вдохновение он черпал в работах минималиста Дональда Джадда, потому что по факту памятник оказался просто металлической коробкой в центре города, окруженной полосой пустой земли там, где некогда в центре района Чикаго Луп стояла неприглядная башня, чьи окна выходили на реку. Когда машина Слоан подъезжала к нему этим утром, он показался ей таким маленьким, по сравнению с окружавшими его высотками, сверкающими на солнце.

Чтобы не парковаться, Мэтт вызвал машину с водителем, и это оказалось кстати, поскольку весь город кишел людьми. Толпа была настолько плотной, что водителю пришлось протискиваться сквозь нее, нажимая на гудок своего черного линкольна. И то не все реагировали на звук, а пропускали машину, только почувствовав под коленями жар от двигателя.

ля.

Когда они подъехали к заграждению, полицейский пропустил их дальше и они двинулись по свободному участку дороги, прямо к памятнику. Слоан ощутила пульсирующую боль за глазами. Так обычно болит голова. Как только они откроют дверцу машины и Мэтт выйдет, все сразу поймут, кто они такие. Толпа начнет поднимать вверх свои телефоны, чтобы записать их на видео. Они будут просовывать через заграждения для автографов свои фотографии, блокноты и руки. Они будут выкрикивать имена Мэтта и Слоан, рыдать, пробиваться вперед и рассказывать истории о том, кого и что они потеряли.

Слоан очень хотелось домой. Но вместо этого она вытерла ладони о брюки, медленно вздохнула и положила руку на плечо Мэтта. Машина медленно остановилась. Мэтт открыл дверь.

Слоан шагнула следом за ним, прячась от шума. Мэтт повернулся к ней, ухмыльнулся и произнес ей прямо в ухо: «И не забудь про улыбку».

Многие мужчины просили ее улыбнуться, но все, чего они на самом деле хотели, это обладать ею. Мэтт же просто хотел защитить ее. Его собственная улыбка была его оружием против мягкой и коварной формы расизма, которая проявлялась в торговых центрах, прежде чем работники узнавали, с кем они имеют дело, когда люди начинали предполагать, что он родился в каком-нибудь неблагополучном районе (а

на самом деле в Верхнем Ист-Сайде), или когда начинали говорить о роли в спасении мира Слоан и Алби, будто Мэтта, Эстер и Инес в помине не было. Этот расизм сквозил в молчании, неуверенности в словах, неловких шутках и несвязных разговорах.

Бывали и другие, более жесткие формы проявления расизма, но тут в дело шло другое оружие.

Мэтт подошел к толпе, прижавшейся к заграждению, где его ждали люди с фотографиями, журнальными статьями, книгами. Он достал из кармана черный фломастер и подписал их быстрым росчерком – «MW» – W как зеркальное отображение M. Слоан наблюдала за ним издалека, на мгновение отвлекшись от хаоса, который творился вокруг них. Он наклонился, чтобы сфотографироваться с рыжеволосой женщиной средних лет, которая не знала, как обращаться с телефоном. Он взял его у нее, чтобы показать, как переключаться на фронтальную камеру. К кому бы он ни повернулся, каждый хотел поделиться с ним своей историей, они благодарили и рассказывали ему о тех, кого потеряли в войне с Темным. И с каждым из них за эти секунды он прожил и радость, и скорбь.

Через несколько минут Слоан подошла к нему и положила руку на плечо:

– Прости, Мэтт, но нам пора идти.

Конечно, и к ней тянулись люди, размахивая экземплярами Gentry с ее лицом на обложке с одной стороны и с мордой

засранца Рика Лейна – с другой. Некоторые выкрикивали ее имя, но она, как всегда, не обращала на них внимания. Щедрость, доброта и светский лоск были оружием Мэтта. У Слоан в арсенале – отчужденность, высокий рост и полное безразличие к происходящему.

Мэтт посмотрел на группу чернокожих подростков в школьной форме. Одна из девушек заплела волосы в крошечные косички с бусинками на концах. Они застучали друг о друга, когда она взволнованно подпрыгнула на цыпочках. В руках у нее был блокнот, как будто сейчас она попросит автограф.

– Секундочку, – сказал Мэтт Слоан и направился к ребятам. Она немного поежилась от его слов, но это ощущение исчезло, когда Слоан увидела, как он слегка изменил позу, расслабив плечи.

– Привет, – он улыбнулся девушке с блокнотом.

У Слоан слегка кольнуло в груди. Были в его душе такие местечки, к которым она никогда не получит доступа, говорил он порой на таком языке, который она никогда не услышит, потому что когда она была рядом, слова растворялись и исчезали в воздухе.

Дальше она решила идти без него. Успеет ли он на церемонию вовремя, не имело особого значения. Без него не начнут.

Она прошла по узкому проходу, который полиция прорубила в толпе, и поднялась по ступенькам на сцену, стояв-

шую перед металлическим памятником – ящиком размером со среднюю спальную комнату, стоящим посреди пустоты.

– Сло! – Эстер стояла на сцене в туфлях на высоченных каблучищах, в черных кожаных штанах и махала ей рукой. На ней была слишком свободная белая блузка, и издалека ее лицо выглядело почти естественным, но чем ближе Слоан подходила, тем ей становилось лучше видно, что гладкое сияние кожи – это результат работы тональника, пудры, хайлайтера, бронзатора, пудры для фиксации макияжа и еще бог знает чего.

Когда она увидела Эстер, у Слоан будто камень с души свалился. За то время, как подруга вернулась домой, чтобы позаботиться о маме, жизнь пятерых сильно изменилась. Слоан поднялась по ступенькам на сцену, отказавшись от помощи охранника, который предложил ей руку, и заключила Эстер в объятия.

– Красивое платье! – сказала ей Эстер, когда они оторвались друг от друга. – Мэтт выбирал?

– Я еще пока сама в состоянии одеться, – ответила Слоан. – Как...

Она было хотела спросить, как чувствует себя мама Эстер, но та уже вытащила свой сотовый для того, чтобы сделать селфи.

– Нет, – остановила ее Слоан.

– Сло... да ладно тебе, я хочу нашу фотку!

– Нет, ты хочешь показать нашу фотографию миллионам

людей в Insta! а это большая разница.

– Я по-любому сделаю эту фотку, будешь ты улыбаться на ней или нет, поэтому ты еще можешь попытаться показать всем сплетникам, что ты не такая уж и ТурбоСука, – уточнила Эстер.

Слоан закатила глаза, немного присела и наклонилась, чтобы сделать снимок. Она даже попыталась изобразить подобие улыбки.

– Но только одну, хорошо? – сказала она. – Я избегаю соцсетей по принципиальным соображениям.

– Да понятно, ты такая вся аутентичная, альтернативная и все такое, – Эстер махнула на нее рукой и склонилась над телефоном. – Я тебе усишки пририсую.

– Да, это очень уместно для фото с десятилетней годовщины страшного сражения.

– Хорошо, я ее просто запошу, и все. Какая ты скучная.

Слоан не в первый раз слышала это от подруги. Они с Эстер повернулись к Инес и Алби, которые стояли рядом с трибуной в почти одинаковых черных костюмах. Лацканы пиджака у Инес были чуть шире, а галстук у Алби – светлее, но, насколько могла судить Слоан, на этом различия в одежде у них заканчивались.

– Где Мэтт? – спросила Инес.

– Все еще со своими королевскими подданными, – ответила Эстер.

Слоан оглянулась. Мэтт все еще разговаривал с девоч-

кой-подростком, нахмутив брови и кивая в такт ее словам.

– Будет через минуту, – сказала она, повернувшись к остальным.

У Алби был какой-то затуманенный взгляд. Скорее, потому, что сейчас было восемь утра, а он вставал обычно не раньше десяти. Когда он посмотрел на нее, то показался ей вполне сосредоточенным, просто уставшим. Он помахал ей рукой.

– Я тебе тут местечко занял, Сло, – сказал он, похлопав по сиденью стула рядом с собой. Она села рядом, скрестив ноги в районе лодыжек и отведя их чуть назад, как учила ее бабушка. «Ты действительно хочешь светить перед всеми своими трусами? Ну, тогда скрести свои чертовы ноги, девочка!»

– Все норм? – спросила она.

– Не-а, – сказал он с легкой улыбкой. – Ну, а еще что новенького?

Она так же слегка улыбнулась ему в ответ.

– Привет, детки! – По направлению к ним сцену пересекал мужчина в костюме, угольно-черные брюки и пиджак в паре с голубой рубашкой, седые волосы аккуратно зачесаны назад. И не просто какой-нибудь мужчина, а Джон Клейтон, мэр Чикаго, избранный в ходе кампании «вероятно, он из всех других не так сильно замешан в коррупции», бывшей девизом правительства Чикаго уже несколько лет подряд. Также, вероятно, он был самым добрым человеком на

свете.

– Спасибо, что пришли, – сказал мэр Клейтон, пожимая руку Слоан, затем Алби, затем Инес. Мэтт поднялся по ступенькам на сцену, как раз вовремя, чтобы тоже пожать ему руку.

– Я просто скажу несколько слов, а потом вы все пройдете внутрь монумента. Что-то вроде благословения, а? И потом мы вытащим вас отсюда. Они захотят сфотографировать нас всех вместе. Сейчас? Да, сейчас.

Он начал махать фотографу, который расположил их так, чтобы за их спинами виднелся памятник, а Мэтт был посередине, его рука твердо лежала на талии Слоан. Слоан сомневалась, стоит ли ей улыбаться в честь десятилетней годовщины победы над Темным. Сегодня праздновать будет весь мир. Даже город Чикаго, потерявший столько своих жителей, окрасит реку в синий цвет, Райливилл будет пениться пивом, улицы наполнятся вусмерть пьяными людьми. Повеселятся от души, Слоан знала это, и даже первые годы после победы она участвовала вместе со всеми в общем веселье, но теперь ей стало тяжелее. Ей говорили, что должно быть наоборот, время лечит, но это было неправдой. Тот поток радости и триумфа, охвативший ее после падения Темного, иссяк. Осталось лишь это мучительное чувство неудовлетворенности и осознание того, что это пиррова победа.

Во время съемки общего фото она не улыбалась, а затем снова села рядом с Алби, пока Эстер показывала мэру видео

с бумерангом. Тем временем Мэтт разговаривал с женой мэра, которая спрашивала, сможет ли он приехать на открытие новой библиотеки в район Аптаун, а Инес, как всегда, отчаянно качала ногой. Алби положил свою руку на ее и сжал.

– Типа, с годовщиной, – сказала она.

– Ага, – произнес он, – с годовщиной.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА О МЕРАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ № 70

Кому: Агентству по Исследованию
Сверхъестественных Явлений (АИСЯ)

Тема: Необъяснимая катастрофа 2004 года

Во время рассмотрения Отчета о Событиях 2 февраля 2005 года на заседании Совета Национальной Безопасности Президент поручил уделить внимание подробному изучению событий, произошедших в феврале 2004 года, для установления взаимосвязи между ними. Необходимо выяснить, была ли между событиями определенная закономерность. Поскольку произошедшее до сих пор невозможно объяснить существующими природными явлениями, то эта задача поручается Агентству по Исследованию Сверхъестественных Явлений (АИСЯ).

Соответственно, АИСЯ предлагается провести это исследование как можно скорее, представив свои предварительные заключения на следующем

заседании Совета Национальной Безопасности. Ниже прилагаются документы, собранные Советом Национальной Безопасности в связи с упомянутыми событиями.

Шонда Джордан

Chillicothe Gazette

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ КАТАСТРОФЫ В ТОПИКЕ ДО СИХ ПОР ОСТАЮТСЯ НЕВЫЯСНЕННЫМИ ДО КОНЦА

Джей Кауфман

ТОПИКА, 6 МАЯ: по последним подсчетам, число погибших в Топике, штат Канзас, в результате катастрофы 5 марта 2004 года составляет 19 327 человек, но никто, похоже, не знает, что явилось причиной гибели огромного количества людей. А если и знают, то нам не сообщают.

Утром 5 марта в метеорологических сводках стоял прогноз на пасмурное небо и максимум 4 градуса тепла с вероятностью дождя всего 10 %. Свидетели из соседних городов говорили о небольших проблесках солнечного света и сла-

бом ветра. Ровно в 13:04 все пошло наперекосяк. Один из сотрудников Национальной метеорологической службы назвал обстановку в офисе «полнейшим хаосом», свидетельствовал о «криках и сломавшихся мониторах».

«В течение нескольких минут это было похоже на торнадо, землетрясение и ураган одновременно. Перепады давления воздуха были сумасшедшими, и толчки, как сообщается, ощущались до самого Кентукки. Я никогда не испытывал ничего подобного», – сообщил источник. Сотрудник попросил не называть его имени из страха потерять работу. Национальная метеорологическая служба опубликовала заявление о том, что они не могут предоставить общественности никаких дополнительных подробностей, поскольку расследование продолжается.

Аналогичную позицию занимает и федеральное правительство. Министерство Внутренней Безопасности, включая Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, хранит молчание. Федеральное Бюро Расследований заявило, что они не рассматривают в качестве причины произошедшего внутренний или внешний терроризм, но и не исключают этой возможности. Мэр Топики Хэл Фостер, отдыхавший в то время в Орландо, штат Флорида, выразил соболезнования в связи со случившимся, но также отказался от комментариев о причине произошедшего.

Все, что мы имеем на данный момент, – это свидетельства, полученные от частных лиц. Тревор Эллис из Лоуренса,

штат Канзас, приехал в окрестности Топики с беспилотником, который он обычно использует для наблюдения за строительством своего нового дома. На эти фотографии Топики, предоставленные Эллисом всем национальным новостным сетям одновременно, невозможно смотреть без слез. На них мы видим остатки зданий, улицы, усыпанные телами людей, и, что самое странное, ни одного оставшегося живого растения. Все деревья в момент превратились в сухие, мертвые палки со сморщенными листьями.

Оставшись без каких-либо конкретных версий, озвученных официальными лицами, общественность обратилась к теориям заговора. Люди пытаются объяснить это вторжением инопланетян, неудавшимся правительственным экспериментом, новым оружием массового уничтожения и новым видом погодных явлений, вызванных изменением климата. Истерия вышла на новый виток, некоторые начали строить в своих домах бомбоубежища, другие стали разрабатывать новые планы эвакуации из города. «Нам нужны ответы, – говорит Фрэн Холлоуэй, жительница Уилларда, одного из уцелевших городов неподалеку от Топики. – Мы заслуживаем того, чтобы знать, почему погибли наши родные. И мы не успокоимся до тех пор, пока не получим ответы на наши вопросы».

The Portland Bugle

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ ОБРУШИЛОСЬ НА ПОРТЛЕНД

СМЕРТЬ ЗАБРАЛА ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЖИЗНЕЙ

Арджун Патель

ПОРТЛЕНД, 20 АВГУСТА: погодное явление, предварительно классифицированное как ураган, обрушилось на Портленд 19 августа 2004 года, вызвав обильное наводнение и разрушение домов и зданий. Если классификация верна, это будет первый тропический ураган, когда-либо обрушившийся на западное побережье континента в истории человечества.

С учетом того, что число жертв оценивается в 50 000 человек, это самое смертоносное стихийное бедствие в истории Соединенных Штатов, уступающее бедствию в Топике, случившемуся в начале этого года, которое, по последним под-

счетом, унесло почти 200 000 жизней. До сих пор никаких официальных объяснений о причине случившегося в Топике не поступило.

Ученые все еще не могут объяснить столь странное погодное явление, они ссылаются на низкую температуру воды Тихого океана, которая является причиной отсутствия ураганов на западном побережье континента. «Ураган не может возникнуть без тепла, для этого необходима высокая температура воды, – говорит Джон Грегори, профессор атмосферных наук Университета Висконсин-Мэдисон. – Есть только одно объяснение этому – изменение климата, но у нас нет данных о резком повышении температуры воды в Тихом океане за последнее время. Все это похоже на необъяснимое явление».

Скорее всего, дополнительная информация появится по мере продолжения восстановительных работ. В четверг в 20:00 на площади Пайонер Кортхаус состоится бдение при свечах о погибших.

**ФИГУРА ЧЕЛОВЕКА ЗАМЕЧЕНА
В ЦЕНТРЕ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ**

**ПОСЛЕ СООБЩЕНИЙ О ФИГУРЕ
НЕКОЕГО ЧЕЛОВЕКА СЛУХИ О ТЕОРИИ
ЗАГОВОРОВ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ
СО СКОРОСТЬЮ ЛЕСНОГО ПОЖАРА**

Карл Эдамс

РОЧЕСТЕР, 7 ДЕКАБРЯ: «Все вокруг превратилось в ад, – говорит Брендан Петерсон из Саттона, штат Миннесота, один из выживших после нападения на Миннеаполис, которое унесло почти 85 000 жизней в начале этого года. Он находился прямо в эпицентре разрушения и описывает, что за кошмар творился в те мгновения, когда вокруг него со страшной скоростью летали обломки зданий, деревьев, и не только. «Я видел, как прямо у меня на глазах женщину разо-

рвало на части, – рассказывает Брендан, и его руки дрожат. – Я никогда раньше не видел ничего подобного, даже в кино».

Брендан говорит, что его спасение – «чистой воды удача», и он не одинок. Все, кто выжил после нападения – именно так случившееся сейчас классифицируется правительством США – и согласился рассказать об этом, описывают одинаковый сценарий того, что с ними произошло, и каждый из этих рассказов ужаснее и кровавее предыдущего. Но у всех этих историй есть одно общее – каждый из оставшихся в живых видел фигуру некоего человека, уверенно идущего по улицам, невзирая на происходящее вокруг.

– Я думаю, это могла быть женщина, – говорит Джордж Уильямс, другой житель Саттона и сосед Брендана Петерсона. – Но, в любом случае, это было похоже на человека. Самое жуткое, что я когда-либо видел в своей жизни.

– Но его было трудно разглядеть, – поясняет Брендан. – Весь в темном с головы до ног. Я не сумасшедший. Я видел то, что видел.

Речь мэра представляла собой набор банальных фраз о том, как надо двигаться вперед, от горя к жизни, про торжество добра над злом, про почитание мертвых. На половине речи Инес наклонилась и прошептала ей в ухо цитату из сериала «Огни ночной пятницы» – «Ясные глаза, чистые сердца, впереди только победа», – и Слоан пришлось прикрыть лицо, чтобы в толпе никто не увидел, как она смеется. Алби сделал вид, что на него напал приступ кашля, Эстер толкнула Инес локтем под ребра, Мэтт сделал серьезное выражение лица, и Слоан показалось, совсем на мгновение, будто к ней вернулось что-то важное.

Речь подошла к концу, повсюду засверкали фотовспышки, заплодировала толпа. Слоан присоединилась к овациям, пока у нее не зачесались ладони. Затем последовала серия крепких рукопожатий, и, наконец, настало время Избранным благословить Монумент Десятилетия своими святыми стопами, или как там еще говорил мэр Клейтон. Слоан подумала, а не воспользоваться ли этим предложением, чтобы снять туфли пораньше, потому что они жали ей в районе пальцев ног. Какое уж тут благословение, если у тебя на ногах неудобные туфли на высоченных шпильках.

Площадка вокруг металлического ящика была покрыта бетоном. Слоан спустилась по ступенькам со сцены и почув-

ствовала тепло через подошвы своих туфель. Ей казалось, что она стоит на поверхности серого моря, а монумент – это бронзовый остров где-то впереди на горизонте. Это было единственное теплое светлое пятно посреди пустоты – неведомое, похожее на мираж. Глядя на него, она с удивлением обнаружила, что у нее текут слезы. Со временем бронза на памятнике состарится, ее блеск сменится ровным зеленоватым оттенком. Их воспоминания о том, что произошло, тоже сгладятся и станут тусклыми, и памятник будет забыт, останется стоять здесь для школьных экскурсий и автобусных туров любителей истории.

И она со временем начнет тускнеть. Они останутся навсегда известными и знаменитыми, но увядающими, как старые кинозвезды, несущие на лицах призраки своих молодых «я».

Странно осознавать, что пик твоей жизни остался в прошлом.

К памятнику она шла вслед за Алби, остальные шли за ней. Она не могла не смотреть на другую сторону реки, туда, где во время последней битвы стоял Мэтт, высоко над собой подняв Золотую Ветвь, которая отбрасывала на его лицо сверхъестественный свет. Она поняла это только позже, но уже тогда влюбилась в него.

В стене было узкое отверстие, через которое люди могли войти внутрь, и Алби прошел прямо через него. Инес собралась было последовать за ним, но Слоан жестом руки остановила ее.

– Дай ему минуту, – сказала она. Инес остановилась.

Все они по-разному сочетались друг с другом, каждый знал друг о друге что-то свое. Эстер знала, как рассмешить Алби, Инес практически читала его мысли, а Мэтт знал, как его разговорить. Но именно у Слоан получалось лучше всего ладить с Алби в его плохие дни, и вряд ли сегодняшний день был исключением.

* * *

– Эту штуку точно обоссут со всех сторон, – сказала Инес.

– Тебе не обязательно что-то говорить *каждый раз*, когда возникает пауза, – одернул ее Мэтт.

– Я схожу, посмотрю, все ли с ним в порядке, – сказала Слоан. – Дайте мне пару минут.

– Конечно, – ответил Мэтт.

– Ага, как раз Эстер хватит времени на то, чтобы подгадать правильный угол камеры для съемок или что-то в этом роде, – подколола подругу Инес.

Эстер шлепнула ее по руке и достала телефон. Слоан сбежала с места преступления прежде, чем Эстер успела уговорить ее сделать еще одно селфи, отыскала щель в стене и проскользнула внутрь монумента.

Стены памятника были усыпаны вырезанными на металле буквами – именами погибших от рук Темного. По словам художника, потребовались годы, чтобы найти информацию об

этих людях и вырезать по металлу каждое имя. Большинство были такими крохотными, что их едва можно было прочесть. За металлическими листами художник установил световые панели, поэтому каждое имя светилось, как маленькое созвездие. Создавалось впечатление, что ты находишься где-нибудь в глуши, под звездным небом, там, где городской свет и смог не мешают человеку любоваться бесконечной красотой нашей Вселенной.

Алби стоял в центре, пристально всматриваясь в имена на одной из панелей.

– Привет, – сказала ему Слоан.

– Привет, – ответил он. – А тут ничего так, вполне симпатично.

– Да, бронза – удачный выбор. Даже можно сказать, уютненько, – произнесла она. – Ты нашел имя своего отца?

– Нет. Искать тут кого-то – как искать иголку в стоге сена.

– Может быть, стоит спросить автора?

Алби покачал головой.

– Я думаю, весь смысл состоит в том, что ты не можешь увидеть имени каждого погибшего. Задумка в том, что ты погружаешься в состояние шока, когда осознаешь, сколько же людей погибло на самом деле.

«Так много, что уже нет никакой разницы», – подумала Слоан. Она знала реальное количество тех, чьи жизни унесли те события. Все, что находилось между цифрой «сто» и цифрой «миллион», для нее было просто цифрой, ей бы-

ло слишком тяжело по-настоящему осознать масштабы этих чисел.

– Мне нравится эта идея, – сказал Алби. – Это напоминает мне, что на самом деле мы всего лишь горстка людей, которые потеряли всё и вся, среди тысяч других, которые тоже всё потеряли. И нам больнее не меньше и не больше, чем всем семьям этих погибших.

Он указал на панель перед собой. Они с Алби были ровесниками – ему было двадцать восемь, но волосы у него стали легкие, как перышко, и начали редеть на висках. На лбу пролегли морщины, такие глубокие, что она обратила на это внимание. На его лицо неумолимо и медленно ложилось время.

– Я устал быть особенным, – сказал Алби с дрожащим смехом. – Я устал оттого, что я получаю почести за самое ужасное, что произошло со мной. За то, что разрушило мою жизнь.

Слоан подошла к нему и встала так близко, что их руки соприкоснулись. Она подумала о стопке правительственных документов в нижнем ящике своего стола, о статье Рика Лейна, который писал о ней, как о куске мяса, о ночных кошмарах, которые преследовали ее от рассвета до заката.

– Да, – сказала она, вздохнув. – Я понимаю, о чем ты.

Или, по крайней мере, она думала, что понимает. Но когда Слоан увидела, как дрожит рука Алби, когда он поднял ее, чтобы вытереть свое лицо, она спросила себя, а знает ли она

на самом деле, что происходит с ее другом.

– Тук-тук! – Эстер вошла внутрь, ее волосы были идеально уложены, камера направлена под правильным углом, чтобы показать ее и происходящее в самом выгодном ракурсе. Она повернулась так, чтобы в кадр попали Алби и Слоан. – Ребята, передайте привет моим подписчикам в Insta!.

– Мы в прямом эфире? – спросила Слоан.

– Нет, – ответила Эстер.

Слоан взглянула на Алби и подняла вверх оба средних пальца. Одновременно Алби начал хлопать себя ладонью по щеке, симулируя неприличные звуки. Инес, явно нервничая, вошла следом за Эстер и увидела, как Слоан размахивает факками прямо перед лицом Алби. Нахмурившись, Эстер убрала телефон.

– Это должен был быть мой первый прямой эфир из здания монумента Десятилетию! – проворчала она. – А теперь мне надо все снимать заново и при этом делать вид, что я зашла сюда в первый раз!

Она выбежала, снеся по дороге Мэтта.

– Я что-то пропустил? – спросил он.

– Держись, – ответил Алби и прикоснулся пальцем к губам.

Эстер зашла во второй раз, держа телефон наготове подальше от лица. Когда она смотрела на светящиеся имена, в ее глазах появилось притворное удивление. Алби бросился вперед, наклонил голову так, чтобы оказаться в кадре с Эс-

тер, и сказал прямо в камеру:

– Она заходит сюда не в первый раз! Не дайте ей провести вас!

Эстер оттолкнула его и опустила вниз телефон.

– Да что с вами *такое*, ребята? – требовательно спросила она.

– С *нами*? Это ты телефон из рук не выпускаешь, как будто он к ним прилип! – ответила Слоан. – Ты еще хуже, чем Мэтт!

– Я к этому отношения не имею, – Мэтт поднял руки вверх.

– Я не единственная, кто пользуется социальными сетями, – сказала Эстер. – Это моя *работа*, и ты не имеешь права осуждать меня, твою мать.

– Предполагалось, что это вообще-то скорбная дата, – обратил внимание Мэтт. – Это могло бы стать хорошим опытом для всех нас.

– Но съемка никак не мешает скорби, не делает все это менее трагичным, – ответила Эстер.

– Нет, делает, ровно с того момента, когда ты начинаешь снимать видео с идеального ракурса для селфи, – сказала Инес, изображая, что держит в руках телефон. Она позировала, отведя назад попу. – Вот это имена погибших, а вот тут моя горячая задница!

Слоан не смогла сдержать смех. Это произошло так неожиданно и так громко для нее самой, что она только успе-

ла смущенно прикрыть рот рукой.

– Слоани, Слоани Макарони у нас, оказывается, девочка и умеет смеяться как девочка! – Алби удивленно поднял брови.

– Не смей меня так называть! – ответила Слоан.

– Не делай вид, что не знаешь, что мы видели тебя на тех домашних видео, которые сделал Камерон, – сказала Эстер. – Может, тебе и нравится быть такой крутой девкой, но глубоко внутри ты навсегда останешься той самой маленькой девочкой, которая танцует под «Diamonds Are a Girl's Best Friend» в юбке-пачке, сделанной из фольги.

Слоан проклинала чертову камеру своего покойного брата. Она хотела было уже ответить, но тут заговорил Мэтт:

– Я нашел Берта.

Конечно, на самом деле Берта звали не Роберт Робертсон. За несколько месяцев до своей смерти он открылся своим друзьям и назвал им свое настоящее имя, чтобы они могли найти его, если вдруг потеряют с ним связь. Никто не думал о нем как о «Эване Ковальчике», для них он навсегда был и останется «Бертом».

Они все встали позади Мэтта, следя за его пальцем, указующим на маленькое имя: Эван Ковальчик, все прописными буквами. Она понятия не имела, как Мэтт нашел его имя среди всех имен, среди всех панелей. Это было все равно что найти нужную сосну в сосновом бору. Рука Мэтта упала, и имя Роберта снова исчезло в стене, расплываясь вместе со

всеми остальными именами.

Все эти потери – и все напрасно. Ради чего? Все они жертвы Темного Лорда и его ненасытного голода.

– Интересно, чем бы он занимался сейчас? – спросил Мэтт.

– Вероятно, изо всех сил сопротивлялся бы отдыху на заслуженной пенсии, – ответила Инес.

Слоан отвернулась к выходу, чтобы никто не успел заметить ее смущения. Ей не хотелось объяснять, что она прочитала в тех файлах, полученных от правительства по ее запросу, и о том Берте, которого они на самом деле никогда не знали.

– Пойдем, – сказала Слоан. – А то они начнут волноваться, куда мы запропали.

Приглашение на гала-концерт было приклеено к холодильнику: «Отпразднуйте Десятилетие мира». Как будто победа над Темным принесла этому миру гармонию и покой. Конечно, это было не так. Но для США эти события стали причиной для того, чтобы разорвать связи с остальным миром. Газетчики назвали это «Новой эрой изоляции». Реакция общественности была... смешанной... Одни праздновали вывод войск из других стран, одновременно протестуя против выхода из международных миротворческих организаций. Другие приветствовали закрытие границ, но сопротивлялись сокращению военного присутствия за рубежом. Но всех накрывала одна и та же паранойя. Никто не знал, откуда в свое время появился Темный, а это означало, что он может появиться снова откуда угодно. Он мог оказаться твоим другом или соседом, беженцем или иммигрантом. Даже мать Слоан получила лицензию на ношение оружия и раз в месяц практиковалась на стрельбище, как будто это смогло бы помочь кому-то в схватке против Темного, сила которого приводила любое оружие к саморазрушению, к взрывам зданий, от прикосновения которого деформировался и скручивался в узел металл любой прочности. Слоан не могла не думать о том, сколько же времени понадобится правительству, чтобы использовать эту силу в своих целях. Если они уже так

не сделали.

Слоан достала из шкафа свое платье и повесила его на дверцу. Это было золотое, расшитое бисером платье в стиле двадцатых годов. За счет вышивки весило оно солидно, поэтому она собиралась надеть его в последний момент перед выходом. В обычный день она не стала бы утруждать себя такими причудами, но Слоан любила официальные приемы, хотя и не призналась бы в этом никому и никогда. Раньше она даже пряталась в ванной, чтобы посмотреть один из роликов в инстаканале Эстер, где на уроках красоты она учила правильно подводить глаза. Слоан не пережила бы, если бы Эстер когда-нибудь узнала об этом секрете.

Облегающий фасон платья вынуждал Слоан надеть на себя предмет одежды, которого она боялась больше всего на свете: корректирующее белье. Величайший помощник всех женщин, испытывающих неудобства в связи с небольшими проблемами, связанными с фигурой, со времен корсета. Меньше всего ей хотелось просыпаться по ночам из-за того, что на всех сайтах будут под микроскопом рассматривать ее располневшую талию, обсуждать состояние ее матки. Скандалы, сплетни, связанные с беременностью, преследовали ее с тех пор, как они с Мэттом стали жить вместе.

Она не смогла найти корректирующее белье ни в ящике с нижним бельем, ни в ящике с носками, поэтому повернулась к шкафу Мэтта. Иногда ее вещи терялись в море черных боксеров, которые он любил. Она порылась в глубине ящи-

ка, и ее пальцы наткнулись на что-то маленькое и твердое. Маленькая коробочка, размером с ее ладонь. Черная. «Блин».

Слоан взглянула на дверь – все еще закрытую, за ней в коридоре не наблюдалось никакого движения. Вот и славно. Она открыла коробку. Внутри, конечно, было кольцо, но не простое кольцо – старомодное, усеянное пиритами вместо бриллиантов. Он помнил, какие украшения она любит, хотя никогда не носит их.

Она захлопнула коробку и сунула ее обратно в ящик, в горле встал комок. Она, конечно, знала, что это значит: он собирается сделать ей предложение. Скорее всего, затягивать он не будет, иначе бы он нашел место более надежное, чем ящик нижнего белья, в который она может залезть. Учитывая его любовь к красивым жестам, он, вероятно, сделает это на торжественном вечере.

Слоан затошнило от страха. Она открыла дверь и выглянула в коридор. Мэтт разговаривал по телефону, вероятно, со своим помощником Эдди. В его календаре не было ни одного свободного дня. Только на этой неделе он был модератором круглого стола по вопросам, связанным с лишением свободы, присутствовал на мероприятии по сбору средств для школы в Вест-Сайде и встречался с сенатором на тему финансируемых государством консультаций для выживших после столкновения с Темным с ПТСР. Скорее всего, он еще какое-то время будет говорить по телефону.

Она снова закрыла дверь и села на край кровати, глядя на таунхаус напротив, в то окошко, в котором круглый год висели яркие голубые фонарики.

Слоан достала телефон и набрала номер, по которому не звонила уже давным-давно. Она звонила маме.

– Алло? – Голос Джун Хопвелл звучал резко, как обычно.

– Мам?

– Слоан?

Слоан нахмурилась.

– Да, это я, если только у тебя нет других детей, о которых я не знаю.

– Видела тебя сегодня утром по телевизору, – сказала Джун. – Ты уверена, что не хочешь пересмотреть свою политику «никаких автографов»? А то такое впечатление, что за тобой волки гонятся.

– Да, мам. Я уверена, – Слоан была совершенно уверена, что ее матери все равно, раздает она автографы или нет. С тех пор, как она победила Темного, мать пристально оценивала все, что делает Слоан, возможно, пытаясь максимально повлиять на дочь всеми своими родительскими силами, пока Слоан не стала слишком взрослой для этого. В конце концов, вся юность Слоан прошла мимо Джун, поскольку она не моргнув глазом вписала своего ребенка в таинственный правительственный проект.

– Послушай, я хочу кое о чем с тобой поговорить, – сказала она. – Я только что нашла кольцо в ящике с нижним

бельем Мэтта. Обручальное кольцо.

На другом конце воцарилось молчание.

– Ну, хорошо. И что?

– И что? – Слоан хлопнула себя ладонью по лбу. – Да я с ума схожу!

– Сло, вы живете вместе уже десять лет.

Лицо Слоан вспыхнуло.

– Мы никогда даже не говорили об этом! Тебе не кажется, что если бы он захотел жениться на мне, то в какой-то момент завел бы разговор о браке? Насколько ему известно, я принципиально против всего этого.

– Ну, в этом нет ничего удивительного, учитывая количество вещей, которые ты ненавидишь, – подколола ее Джун. – Возможно, он хотел сделать тебе сюрприз.

Слоан смотрела, как по карнизу крадется кошка.

– Слоан, – вздохнула мама. – Он – лучший из всех, кого ты можешь найти. Поверь мне.

Слоан ничего не ответила.

– Мне надо идти, – сказала Джун.

«Идти куда?» Слоан промолчала и повесила трубку, не попрощавшись. Для Джун такая реакция была в порядке вещей. Обычно они разговаривали только раз в год, на Рождество, минут пять. В последний раз они говорили друг другу «Я тебя люблю» в далеком детстве. Тогда, когда ее отец уехал, а потом его тело нашли в морге в Арканзасе – погибшим от Слива, – и Джун пришлось опознавать тело мужа.

«Он – лучший из всех, кого ты можешь найти». Очевидно, она была права, потому что Мэтт был таким добрым, что иногда его хотелось ударить за это. А это означало только то, что она не доросла до его доброты. Не любить его – все равно что не любить свободу. Или щеночков.

Но в том, что сказала мать, было что-то раздражающее. «Он – лучший из всех, кого ты можешь найти». И это тоже было правдой. Как ей было искать себе партнера? Скачав приложение о знакомствах? А после? Сделать вид на свидании, что у тебя есть постоянная обычная работа? В какой момент ей надо будет вернуть ухажеру, что она одна из пяти спасителей человечества? На третьем свидании или на пятом?

«С другой стороны, – подумала она, – Джун было бы полезно хотя бы раз в жизни сказать что-нибудь хорошее и мотивирующее».

Слоан сидела с телефоном в руках. Солнце уже садилось, и на противоположной стороне улицы зажглись ослепительно голубые волшебные огни. Она чувствовала себя зажато, как будто стены комнаты сомкнулись вокруг нее. Но она знала, если он сделает ей предложение, она ответит «да», потому что это единственное разумное, что можно сделать в этой ситуации. Они пожениятся, он будет заботиться о ней, а она будет изо всех сил стараться стать для него хорошей женой.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АИСЯ АГЕНТСТВО ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ (АИСЯ)

ТЕМА: НЕОБЪЯСНИМАЯ КАТАСТРОФА
2005 ГОДА, СТЕНОГРАММА ДОПРОСА
СТАРШЕГО ОФИЦЕРА [REDACTED], КОДОВАЯ
КЛИЧКА: «БЕРТ»

Офицер С: Пожалуйста, назовите свое имя для официального протокола.

Офицер Г: Меня зовут [REDACTED], но для выполнения этой миссии мне было присвоено кодовое имя «Роберт Робертсон».

Офицер С: Отмечено. Сегодня мы собрались здесь, чтобы получить данные о пополнении команды проекта «Ringer» субъектом 2 – Слоан Эндриус.

Офицер Г: Правильно. 16 октября я получил уведомление о том, что субъект 2 был идентифицирован, и ее включение в команду должно произойти немедленно.

Офицер С: В отчете указано, что, несмотря на приказ, его исполнение приведено в действие только спустя 24 часа. Можете ли вы объяснить это?

Офицер Г: Да. Я попросил отсрочку на одну неделю, чтобы позволить субъекту 2 присутствовать на похоронах ее отца и брата. Моя просьба была отклонена, но вместо этого мне была предоставлена отсрочка на 24 часа. Я счел это недостаточным, но

выполнил приказ и прибыл в дом Эндрюс 18 октября в 15 часов.

Офицер С: Какой показалась вам обстановка в доме Эндрюс?

Офицер Г: Как и ожидалось. Наши разведданные показали, что семья Эндрюс имела относительно низкий социально-экономический статус, поэтому я был готов увидеть ветхое жилье и удручающее состояние района, в котором оно находилось.

Офицер С: Вы установили контакт с объектом 2 непосредственно по прибытии?

Офицер Г: Она сидела на крыльце. Вид у нее был растрепанный. Я уточнил, как ее зовут, представился своим кодовым именем.

Офицер С: Какой была ее реакция?

Офицер Г: Она ответила: «Похоже, как будто это ваше ненастоящее имя».

Офицер С: Проницательно. Что вы на это ответили?

Офицер Г: Я подтвердил, что это действительно так. Я думал, что смогу завоевать ее доверие, если она почувствует, что я был честен с ней.

Офицер С: Принято к сведению. Продолжайте.

Офицер Г: Я спросил, дома ли мама и могу ли я поговорить с ней. Она выглядела смущенной. Она спросила, что мне нужно, и я ответил, что могу говорить с ней только в присутствии ее матери. Она ответила, что если я буду ждать, пока ее мама «будет присутствовать», то могу прождать очень долго.

Офицер С: Ага.

Офицер Г: В тот момент я считал необходимым отойти от обычной процедуры. Как правило, с субъектами проекта «Ringer» я говорю в присутствии одного из родителей, но это была особая ситуация. Ее отец и брат погибли, мать оказалась недееспособной. Субъект по сути был сиротой. Поэтому я решил поговорить с ней наедине. Я спросил, можно ли мне войти в дом, но она отказалась. Сказала, что не позволит чужому мужчине войти в дом. Так что я просто остался стоять на месте.

Офицер С: С чего вы начали разговор?

Офицер Г: Она снова спросила, кто я такой. Я ответил, что нахожусь в секретном подразделении правительственной организации, детали работы которой раскрывать я не имею права; еще сказал, что приехал к ней из-за пророчества.

Офицер С: Для протокола: офицер имеет в виду Предсказание № 545, в котором говорится о Темном и равных ему, в простонародье известных как «Избранные». Как субъект отреагировал на упоминание о пророчестве?

Офицер Г: Она сказала: «Я не верю в эту чепуху. Я знаю только о том, что могу увидеть и потрогать». Я спросил ее, как она может объяснить то, на что способен Темный. Возможно, это было неуместное замечание, учитывая, что ее брат был убит Темным ранее на этой неделе...

Офицер С: Она расстроилась?

Офицер Г: Наоборот. Она как будто отключилась от всех эмоций. Ноль реакции. И она сказала: «Я не знаю». Я решил, что лучше всего обратиться к ее логике и разуму, и предположил, что ей просто не нравится слово «пророчество». Затем я процитировал закон Ньютона.

Офицер С: Для протокола: в законе Ньютона говорится, что каждому действию есть равное и противоположное противодействие.

Офицер Г: Спасибо за напоминание.

Офицер С: Ну, не все помнят физику.

Офицер Г: Я объяснил, что в пророчестве просто говорится, что для войны с Темным придет равный и противоположный. Другими словами, мы получили список признаков того, кем будет этот человек. С того момента, как опасность вышла далеко за пределы Северной Америки, мы соединили свои усилия с Мексикой и Канадой, чтобы найти избранных. Когда брат Слоан погиб от рук Темного, она стала одной из тех, кто попал в окончательный список.

Офицер С: А вы не стеснялись в выражениях.

Офицер Г: Моя теория заключалась в том, что юная девушка, вынужденная быть настолько независимой из-за низкого уровня ответственности своих родителей, интерпретирует мою прямооту как уважение к ее независимости. И, похоже, я оказался прав. Она слушала меня без какой-либо реакции на то, что я говорю. Также я добавил, что моя задача состоит в подготовке пяти человек для ведения

боевых действий, направленных на увеличение шансов человечества на выживание. Она спросила меня: «То есть вы хотите сказать, что я Избранная?», на последнем слове нарисовав пальцем в воздухе вопросительный знак. Я ответил: «И да, и нет. Я говорю тебе, что ты можешь стать той самой Избранной». Я привел некоторые признаки, по которым она соответствовала пророчеству: смерть брата, рождение во время полнолуния, мать, которая носит другую фамилию, редкая группа крови, отрицательная...

Офицер С: Также известные как предварительные признаки идентификации, или ППИ.

Офицер Г: Правильно. Я бы охарактеризовал ее реакцию на это как «недоверчивую». Она спросила, кто сделал это пророчество и почему правительство обращает внимание на, я цитирую, «какого-то сумасшедшего, извергающего из себя стихи». У меня было разрешение раскрыть подробности о ясновидящей. Я сказал, что ее зовут [REDACTED] и она была человеком, который неоднократно демонстрировал талант к знаниям, выходящим за пределы нашей способности к познанию мира. Что она сделала 746 предсказаний, и все они осуществились со временем.

Офицер С: Какова была реакция субъекта на это?

Офицер Г: Реакция была странной. Остальные субъекты демонстрировали недоверие, или страх, или даже, в случае субъекта 1, стальную решимость. Но она была первой, кто спросил, а что будет, если она

откажется?

Офицер С: Откажется?

Офицер Г: Да, откажется. Откажется воевать с Темным.

Офицер С: [смеется] Вы сказали ей, что у нее не было особого выбора?

Офицер Г: Я считаю, что это было бы неразумно. Она немного напоминала мне бродячую собаку – если ты попытаешься схватить ее, она может укусить тебя. Но если будешь осторожен, то сможешь убедить ее подойти.

Офицер С: Если вы знаете, какой корм она предпочитает.

Офицер Г: Правильно. И я думаю, что в данном случае уважение и стало такой правильной приманкой, если можно так выразиться. Поэтому я сказал: «Я думаю, что если вы откажетесь от этого предложения, то своим решением вы резко уменьшите шанс этого мира на спасение». Я сослался на последствия, не упоминая об ограничениях ее свободы – и в том, и в другом случае результат бы ее не устроил, но я предложил ей выбор.

Офицер С: И это сработало?

Офицер Г: Так точно. Какое-то время она сидела очень тихо. Я редко встречал человека ее возраста, который мог бы сидеть так тихо, не шелохнувшись. Но она просто сказала: «Вот отстой», и сразу начала обсуждать со мной логику.

Офицер С: Сильно.

Офицер Г: В отличие от того, что вы, офицер

С..., вероятно, видели в кино, наши Избранные редко выражаются поэтично. В данном случае, я думаю, она была единственным субъектом, который действительно понимал и осознавал, что ее ждет впереди.

Офицер С: О какой логистике шла речь?

Офицер Г: Обучение, которое ожидало ее в [REDACTED], сборы перед отъездом, когда я вернусь, чтобы забрать ее. Я спросил ее, сколько времени ей понадобится на подготовку к отъезду, и она ответила, что один день. Когда я спросил, не нужно ли ей времени побольше, чтобы попрощаться с семьей и друзьями, объяснить ситуацию своей матери, она ответила, что это не займет много времени. «Если ты не заметил, я здесь совсем одна», – кажется, сказала она.

Офицер С: Она не думала о том, что мать будет возражать, если ее ребенка для борьбы с Темным заберет правительственное агентство, о котором она никогда не слышала?

Офицер Г: Нет, она об этом не думала, и, судя по всему, она была права. Когда я вернулся на следующий день, она сидела на том же месте с рюкзаком и старой картонной офисной коробкой.

Офицер С: Скажу вам честно, я бы на нее деньги не поставил, я делаю ставку на субъекта номер четыре.

Офицер Г: Давайте будем надеяться, что хотя бы один из них окажется Тем самым Избранным.

Слоан сунула в рот еще один кусочек спанакопиты¹. Она стояла с Эстер за одной из стоек возле буфетных столов в бальном зале, где проходил гала-концерт «Десятилетие мира». Они склонили головы друг к другу, словно вели серьезный разговор. Только так они могли хоть как-то отвоевать себе немного времени и пространства, для того чтобы спокойно поесть. Быть одной из Избранных на Празднике мира было все равно что быть невестой на свадьбе.

Они находились в большом бальном зале отеля «The Drake». Пространство, окружавшее их, было бело-золотым – белый мраморный пол с колоннами, украшенными золотой вязью, люстры, отбрасывающие бело-золотой свет на все вокруг. Вдоль одной стены от пола до потолка тянулись окна, из которых открывался вид на изгиб шоссе Лейк Шор Драйв, на огни домов вдоль него и на темную полосу ночного озера Мичиган.

Вокруг них стояли мужчины в смокингах и женщины в платьях, образуя небольшие группы, держа за ножки бокалы с шампанским. Слоан встретила взглядом с одним из них и тут же отвернулась, не желая никакого общения.

– Ты все время морщишься, – сказала ей Эстер.

– Сегодня утром я поранила бритвой себе подмышки, и

¹ Греческий слоеный пирог со шпинатом. – *Здесь и далее прим. пер.*

поэтому когда потею, ощущения такие, как будто на рану соль сыпят, – ответила Слоан. Капелька пота только что скатилась по царапине на подмышке, и это ей совершенно не понравилось.

Эстер поморщилась:

– Хуже не бывает.

Эстер была одета невероятно – искусно плиссированная ткань была задрапирована так, что снять с себя платье приглушенного мятного цвета смогла бы только она. Ее волосы были собраны в простой и естественный узел. Как обычно, на ней был толстый слой макияжа, но сегодня он подходил к случаю – ее глаза были обрамлены серыми тенями для век, как будто на каждом из них осело облачко дыма.

– Я скучаю по Чикаго, – сказала Эстер. Она выковыривала вилкой оливки из салата с пастой, пытаясь нацепить их все одновременно. Эстер пристально смотрела на свою тарелку и таким образом поддерживала их полную маскировку: когда ты смотришь вниз, люди думают, что ты плачешь, и избегают общения с тобой. В сочетании с убийственным взглядом Слоан эта тактика поведения помогала им оставаться в безопасности еще по крайней мере пару минут.

– Как мама? – спросила Слоан.

– Неважно, – ответила Эстер. – Ее онколог говорит, что тут уже вряд ли что-нибудь можно сделать, кроме того, что... не стоит ничего откладывать на потом.

– Мне очень жаль, Эсси, – сказала Слоан. – Могла бы я

сказать тебе сейчас что-нибудь проникновенное и глубокое, но... это отстой.

Казалось несправедливым, что они смогли спасти мир, уничтожив существо высшего зла с помощью магии, но они все еще не могут защитить свои семьи от мирских опасностей. Для человечества они были Избранными, Спасителями, Героями, но рок уравнил их всех.

– Лучше быть честной, чем проникновенной, – произнесла отстраненно Эстер.

За плечом у Эстер Слоан заметила подтянутого молодого человека в смокинге и синем галстуке-бабочке, который с интересом разглядывал подругу. Слоан прищурилась и, когда он встретился с ней взглядом, покачала головой. Он отодвинулся.

– Мы тоже по тебе очень скучаем, – сказала Слоан. – Как бы мы ни ворчали и ни нудели.

– О, *мы* ворчим и нудим? – Эстер приподняла одну бровь. – Сло, всю дорогу из Калифорнии я наблюдаю, как из тебя выходит все твое дерьмо. Что с тобой происходит в последнее время?

Слоан искоса взглянула на нее. Она подумала о том, чтобы снова позвать мужчину в синей бабочке, чтобы он отвлек Эстер от этого разговора.

– И не думай, что испепелишь меня взглядом и я поведусь на это, – сказала Эстер. – Я тебе вопрос задала.

Они всегда вели с Эстер разговоры в подобном стиле. Об-

щались друг с другом, как два барана, упираясь рогами, пока не начинался скандал. Но это было честно по отношению друг к другу, они не тратили время впустую. Если Эстер о чем-то думала, она прямо говорила об этом, и собеседнику не надо было играть в угадайку.

– Я сделала запрос и получила кое-какие документы от правительства, – ответила Слоан. – Прочитала, и у меня буд-то... глаза открылись.

– Знаешь, – сказала Эстер. – В некоторых случаях бывает полезно, когда они остаются закрытыми.

И хлебнула шампанского.

– Ок, давай вытаскивай шпинат, застрявший у тебя в зубах, а то у меня есть подозрение, что сейчас Мэтт обратит на тебя всеобщее внимание.

Конечно же музыканты в углу перестали играть на виолончелях и скрипках и... был ли это контрабас? Все взгляды устремились в дальний конец зала, где в своем безупречном смокинге с золотой бабочкой, широко улыбаясь, стоял Мэтт. Он постучал ножом для масла по бокалу шампанского, прося тишины.

– Прошу вашего внимания! – Его голос прогремел в пространстве. Капитан Мэтт, так они звали его, когда он таким же голосом отдавал команды во время их битвы с Темным. Никто, кроме него, не смог бы повести их за собой, других они просто не слышали бы из-за шума Слива.

Слоан поспешно засунула ногу между двумя передними

зубами, чтобы достать оттуда кусочек шпината.

Наконец в комнате воцарилась тишина, и все повернулись к Мэтту; словно послушные ученики в классе.

– Спасибо, и я сожалею, что побеспокоил вас, – сказал Мэтт, голос его стал мягким, и он из Капитана Мэтта превратился обратно в Вежливого Мэтта. – Я надеялся, что вы уделите мне минуточку. А где Слоан?

Слоан вытащила палец изо рта и выпрямилась. Мэтт позвал ее, и они встретились в центре зала, под одной из люстр. В груди сдавило так, что стало больно дышать. Он взял ее за руку. Она выжидающе посмотрела на него, заметив, что руки онемели. Она пожалела, что не выпила третий бокал шампанского.

– Я понял, что я люблю Слоан, около одиннадцати лет назад, – сказал Мэтт. – Возле одного из колодцев, оставшихся от Слива, куда мы ходили на разведку, выслеживая Темного, мы нашли ребенка, потерявшего родителей. Слоан взяла его на руки и бросалась с ним к каждому встречному.

Слоан помнила этого мальчика. Она взяла его на руки, потому что он отказывался двигаться, иначе бы дело пошло быстрее. Она была удивлена тем, как он прижался к ее бедру, как этот инстинкт управлял ею, хотя она никогда раньше не держала на руках ребенка.

– Она на полуслове обрывала разговоры людей, чтобы спросить их, знает ли кто этого мальчика. Слоан умеет так говорить; вы понимаете, что я имею в виду... кто знает, тот

поймет. – По толпе прокатился смешок. Даже те, кто ее никогда не видел в глаза, думали, что они знают, о чем идет речь, прочитав десятки постов и статей, написанных о ней за последние десять лет. Люди считали ее неуравновешенной, неразговорчивой, капризной и угрюмой стервой. Слоан была антигероиней. Ее щеки вспыхнули. Почему он сейчас превращает все в шутку?

Мэтт продолжил свою речь:

– Слоан похожа на шоколадное пасхальное яичко: скорлупа твердая, но стоит ее расколоть – внутри оказывается нежная зефирка, – он улыбнулся, глаза его сверкнули.

Все это должно было выглядеть очень мило, но вместо этого Слоан стояла посередине зала и чувствовала себя девочкой, напялившей мамино платье.

Он достал из кармана коробочку с кольцом, открыл ее и опустился на одно колено. Несколько человек, стоявших рядом, ахнули.

– Слоан, я люблю тебя. И люблю тебя уже давно. – Он не сводил с нее глаз, но все вокруг уже достали свои телефоны и направили их в сторону влюбленных. Эти кадры, как и то видео, где Слоан колотит ногами поклонника Темного, скорее всего, появятся на телевизионных шоу, в газетах и в блогах, их будут анализировать под микроскопом. Целую вечность. Выражение ее лица, ее позу, ее наряд, ее чертову помаду.

Мэтт продолжал:

– И я хочу провести остаток своей жизни, раскалывая эту

твердую леденцовую скорлупу. Ты выйдешь за меня замуж?

Толпа ахнула в едином порыве, как гигантское животное.

«Не дай им увидеть тебя», – сказала она про себя то же самое, что она говорила себе, когда воины Темного – все они теперь мертвы, умерли вместе со своим хозяином, – подкрадывались по ночам все ближе. Тогда она бежала и скрывалась. Но сейчас это означало, что ей надо спрятать свои эмоции у всех на виду.

Слоан вспомнила о притворстве все, чему она научилась во время сотен интервью, которые ей пришлось давать после победы над Темным, широко улыбнулась, изо всех сил надеясь, что ее глаза блестят соответственно случаю.

– Да, – это слово прозвучало почти как вздох, и она почти задохнулась, что было очень кстати, потому что Мэтт тут же вскочил на ноги, обнял ее и развернул к себе так, что больше никто не смог увидеть ее лица.

Все заплодировали, раздался хор цифровых щелчков всех смартфонов в зале, вокруг них замелькали новостные камеры, снимая их со всех сторон – Мэтт в безупречном черном костюме с золотым галстуком-бабочкой и Слоан в расшитом бисером платье. Избранный и его смущенная невеста.

Которая оказалась вдруг дурацким сладким пасхальным яичком.

Слоан стояла там, у всех на виду, мечтая о том, чтобы побыстрее вытереть пот, стекающий по подмышкам, отчего там щипало, отвлекало ее, но, по сути, своими мыслями она бы-

ла *далеко* отсюда.

Она стоит у реки, холодный воздух обжигает легкие, она победоносно и насмешливо смотрит на бездыханное тело Темного. Часть ее души навсегда останется там.

Едва Слоан надела кольцо на палец, ее поглотила толпа людей, желающих поздравить новоиспеченную невесту. Кто-то сунул ей в руку бокал с шампанским, и она поискала глазами Мэтта, надеясь, что у нее получится взглядом дать ему понять, как она хочет сбежать отсюда. Но он разговаривал с пожилым джентльменом в смокинге, потягивая шампанское из такого же бокала. Лицо Слоан пылало. Она улыбнулась женщине, которая со слезами на глазах назвала их «идеальной парой». Слоан думала в этот момент об одной из недавних статей, в которой автор назвал их отношения «непонятными». Мэтта очень позабавила эта цитата, и он прикрепил вырезку из статьи на холодильник.

Пот стекал градом по ее животу вниз, к пупку. Она оглядела толпу в поисках Алби и нашла его возле одной из больших колонн, разговаривающего с женщиной в облегающем черном платье, с волосами, заколотыми на одну сторону. Слоан извинилась перед заплаканной дамой, которая рассказывала ей историю своей помолвки, случившуюся двадцать лет назад, и поставила бокал с шампанским на один из пустых столиков, направляясь к Алби.

Когда она подошла к нему, то притянула друга к себе так, что смогла прошептать ему прямо в ухо:

– Мне нужно срочно валить отсюда, ты со мной?

– Хм, – ответил он, окинув взглядом зал. – Да, конечно, а Мэтт где?

Слоан искала Мэтта в толпе. Найти его было нетрудно. Его улыбка влекла, как свет маяка, галстук-бабочка сверкал золотом. Всю тревогу внутри нее пронзила нежность к нему. У него это всегда хорошо получалось. Всегда.

– С ним все будет в порядке. Пошли в гардероб. Пятерка есть?

Пока они вместе выходили из зала, Алби рылся в карманах в поисках бумажника. Окно гардероба представляло собой щель в стене напротив, за которым сидел подросток-переросток с гелем на волосах, играющий в какое-то приложение на своем телефоне. Когда он зашаркал прочь, чтобы найти их верхнюю одежду, Слоан наклонилась, чтобы расстегнуть тонкие ремешки туфель. Без каблуков ей будет идти проще. И, главное, быстрее.

– Попались, – пробормотал Алби себе под нос. Из зала показалась пара в одинаковых белых смокингах, они не отрываясь смотрели на Слоан. Она резко схватилась за живот, согнулась и притворилась, что ей плохо. Алби выхватил из рук шаркающего переростка пальто, сунул ему пятерку и успокаивающе погладил Слоан по спине.

– Давай найдем дамскую комнату, – сказал Алби, проходя мимо двух мужчин у дверей зала. Он посмотрел на них: – Воздержитесь от спанакопиты.

Мужчины в шоке посмотрели друг на друга. Они с Алби

заковыляли ко входу в ресторан отеля, согнувшись и прижавшись бок о бок, и как только скрылись из виду, Слоан рассмеялась и потащила его в сторону кухни.

У каждого из Избранных были свои сильные стороны, Слоан, например, умела выбираться из любых ситуаций. Она всегда находила выход, даже если его не было. Пару раз она помогла сбежать даже тогда, когда Мэтт был готов принять последний героический бой. Именно в те редкие моменты она действительно чувствовала себя Избранной.

Теперь она использовала свой навык, чтобы избежать лишних разговоров.

Не совсем так, как она себе это представляла.

– Привет, привет! Не обращайтесь на нас внимания, мы сотрудники отеля, – прочиткала она, оказавшись на кухне. Она проскользнула за спину одного из поваров, отшатнулась от жара плиты и нырнула под руку к кому-то, кто открывал морозильную камеру. Алби извинился за нее. Она толкнула дверь, ведущую в переулок, и вдохнула холодный воздух.

– Господи, только не говори мне, что ты собираешься идти босиком по улице, – сказал Алби, протягивая ей пальто.

– Я хочу сказать, что постараюсь не наступать на битое стекло, – сказала она, надевая пальто. Ее смартфон лежал в нагрудном кармане. Она достала его, чтобы посветить себе фонариком, и попрыгала, как кролик по кочкам, стараясь не наступить на мусор, лужи и тонкий лед. Они прошли мимо мусорных контейнеров и, когда дошли до угла на пересече-

нии аллеи с улицей, Алби схватил ее за локоть.

– Стой, тут за углом есть одна паршивая забегаловка, – сказал он, показывая на отметку на карте в своем телефоне, – но нам, наверное, придется бахнуть на бегу, чтобы нас никто не заметил.

Слоан ухмыльнулась.

– Как в старые добрые времена?

– Ага, – ответил Алби, фыркнув, – все то же самое, только без угрозы неминуемой смерти.

Они пробежали по тротуару и завернули за угол. Перед ними оказалась светящаяся зеленая флуоресцентная вывеска «У Роджера». Внутри было пусто и пахло, как в спортзале. Под босыми ногами Слоан хрустели арахисовые скорлупки. Они подошли к барной стойке. Барный стул был сломан посередине и обмотан клейкой лентой, чтобы не развалиться окончательно.

– Отлично, – ухмыльнулась Слоан.

– Виски, пожалуйста, – сказал Алби немолодому бармену, лицо которого выражало полное отсутствие интереса к происходящему.

Алби кивнул на Слоан:

– Два двойных, Old Overholt, если есть.

Бармен приподнял брови, но отвернулся, чтобы налить им напитки. Слоан начала вынимать шпильки из волос, выкладывая их в ряд на барной стойке.

– Я так понимаю, что помолвка прошла не совсем так, как

ты ожидала, – сказал ей Алби.

– Если бы вечер прошел так, как я ожидала, этого предложения бы вообще не состоялось, – ответила Слоан.

– Тогда какого хрена ты согласилась?

– Пятьсот камер фиксировали каждое наше движение; ты что, хотел бы, чтобы я унизила отказом этого чертового Избранного из Избранных прямо в эфире национального телевидения?

Алби немного подумал:

– Вполне справедливое решение.

– В любом случае, это не значит, что я не хочу выходить за него замуж, – она замолчала и нахмурилась. – Ну, хорошо, да, я не хочу выходить замуж, но я представления не имею, почему.

Она застонала и опустила голову на барную стойку.

– Слушай, ты это, не надо тут ни к чему прикасаться, ни ногами, ни головой, – сказал Алби. Он взял пачку салфеток на другом конце стойки и протянул их. – Я, кажется, догадываюсь, почему ты не хочешь выходить за него замуж.

– Да? – Слоан разложила салфетку, обернула ее вокруг ступни и поставила ноги обратно на перекладину стула. Салфетка прилипла к ноге намертво. – Просвети меня.

– Похоже на то, – сказал Алби, сморщив нос, – что он тебя совсем не знает, Сло. Ты вовсе не мягкая внутри... ну, технически, конечно, мы все мягкие внутри, и это прекрасно. Многие военачальники, эмоционально отрешенные отцы

тоже обладают таким качеством, некоторых из них мы даже называем героями.

– Я всегда мечтала стать эмоционально отстраненным отцом, – Слоан расстелила перед собой салфетку и ударилась об это место головой. – Блин, Алби, что мне делать?

– Я хочу сказать, – ответил Алби, – что ты же точно знаешь, что тебе делать, разве не так?

Слоан вздохнула, посмотрев на кольцо, надетое на безымянный палец ее левой руки, сверкающее в свете барных огней.

Бармен поставил перед ними два стакана виски. Они подняли их одновременно, а затем в унисон опрокинули, выпив почти все до дна.

– Он хочет, чтобы я просто пережила это, я же вижу, – сказала она. – Он думает, что если мы вместе пережили одно и то же, если он чувствует себя нормально, то и я тоже должна быть в порядке.

Алби сжал губы и допил оставшийся виски. Подозвал бармена и попросил повторить.

– Ты думаешь, он прав и я должна... просто пережить это? – спросила Слоан.

– Ну, если ты вдруг поймешь, как это сделать, – сказал Алби, – дай мне знать.

Она допила остатки виски и уставилась на батарею разноцветных бутылок в глубине бара.

– Мы никогда об этом не говорили, – глухо сказала она.

Она имела в виду тот день, который они с Алби провели в плену у Темного. Единственный день из всех ужасных дней, которые они пережили, но о котором ни один из них никогда не вспоминал в разговоре.

– А что тут скажешь? – ответил Алби.

– Ага, – прошептала Слоан. – Он вообще мне посоветовал обратиться к психотерапевту.

Алби фыркнул:

– Терапия. И это все, что они могут нам сказать?

– А тебе не помогло? – спросила она.

– Да помочь-то помогло. Или не помогло. Не знаю я. Я просто хочу, чтобы люди перестали тыкать в нас этой терапией, как будто это единственный способ все исправить.

Когда он взял свой стакан с виски, его руки задрожали. Он посмотрел на нее.

– А зачем ты запросила эти документы, Слоан? – сказал он. – Похоже, это еще больше все усложнило.

На мгновение Слоан замолчала.

– Мне всегда было интересно, – сказала она. – Мне было интересно, нашли ли они других потенциальных Избранных? Я понимаю, существовал достаточно конкретный набор признаков, по которым нас отобрали, но я не верю, что в нашей стране с населением больше 300 миллионов человек нашлось лишь пятеро, удовлетворяющих этим критериям. Я думаю, были еще люди.

– И тебя это беспокоит?

Она кивнула.

– А что, если мы стали Избранными, а они нет, только потому, что наши родители согласились на это, а их родители – нет?

Она вспомнила свой разговор с матерью. Полутемная спальня, тяжелые задернутые шторы. Везде по полу разбросана одежда, по которой она шла к родительской кровати. И очертания матери, свернувшейся под одеялом, напомнимшие ей дохлых насекомых на кухонном столе под светом тусклой лампы. Она помнила, как в комнате воняло немытым телом и спиртным.

И то, как мать сказала ей делать то, что она хочет.

Алби с грустью посмотрел на нее.

– Ну, тогда это означало бы, что у нас хреновые родители, – ответил Алби. – А, скажу тебе честно, для меня это не новость.

– Нет, все было вообще не так, – Слоан хохотала через каждое слово. – Берт отвел меня в сторону и сказал: «Мне кажется, у тебя получается хуже, когда на тебя смотрят».

– Ага, а потом он дал тебе задание стать убийцей-одиночкой! – воскликнул Алби. – Говорю тебе, так оно и было!

– Да как ты можешь мне говорить, что там было, если тебя-то там и в помине не было! Тем более что я и не убивала никого.

– Вот я тебе и говорю – ты была реально крутой Избранной. Не то что я – пушечное мясо. Берти мне так и говорил:

«Алби, ты незаменим в атаке, Мэтту очень повезло, что у него есть ты». Ага. Ты, чтобы погибнуть вместо Мэтта и дать ему возможность двигаться дальше, чтобы спасти этот мир.

Слоан покачала головой:

– Ты же знаешь, он не это имел в виду.

Алби пожал плечами.

– Вот ведь вы засранцы! – Эстер переступила порог бара, одетая в пальто из искусственного меха, распушенный воротник был похож на старомодную метелку для пыли. За ее спиной стояла Инес, у двери стряхивал снег с плеч Мэтт.

– В следующий раз, когда соберетесь свалить, предупреждайте. Какая-то женщина рассказывала мне о своей поездке во Флоренцию битых *двадцать минут*!

Она бросила свой клатч на барную стойку и сделала знак бармену, попросив налить ей джина с тоником.

– Привет, – сказал Мэтт и положил руки на плечи Слоан. У него были холодные пальцы. – Странно ты решила отпраздновать нашу помолвку, не находишь?

– Ну вот, веселью пришел конец, – сказала Слоан Алби.

– Тс-сс, – ответил Алби. – *Он тебя слышит.*

– Господи помилуй! Слоан, скажи, что ты чувствуешь на самом деле? – спросил Мэтт сухо.

– Я сожалею о том, что напялила на себя все это синтетическое корректирующее белье, – ответила Слоан. – Присядь, выпей чего-нибудь.

– А что это ты ноги в салфетки завернула? – спросила ее

Эстер.

– Если бы я послушалась Алби, я бы уже вся тут завернутая в салфетки сидела. – объяснила Слоан. – Как шаурма.

Ей не нравилось то, как Мэтт смотрел на нее. Как будто она сломалась у обочины дороги, и он заглядывал под капот, чтобы понять, в чем проблема. Как будто в ней было что-то не так, и он мог это исправить. Возможно, это и было их основной проблемой – он не видел ее, он видел некий образ, который он был готов принять с некоторыми изменениями, а она просто хотела, чтобы ее оставили в покое, вот такой пустой и сломанной, какая она есть.

– Ты знаешь, – сказала она, подперев щеку рукой. – А мне нравится быть такой.

– Такой пьяной? Ну, многим нравится, Слоан, – ответил Мэтт. Его рука все еще была на ее плече. Его пальцы согрелись от жара ее тела.

– Да не пьяной. А вот такой, какая я есть. Такой, какая я все время. Всю свою жизнь. Никаких зефирок внутри, да тебе любой скажет.

Алби закивал головой:

– Ну, может, лимонный наполнитель. Или лакричный.

– Может быть, другие люди не так хорошо знают тебя, как я, – голос Мэтта стал мягким и нежным.

– Ага, только об этом говорю тебе я, – неожиданно жестко сказала Слоан. – Темный высосал из меня все внутренности, все до конца. Я знаю это. Все это знают. Кроме тебя.

– Слоан...

– Я пошла домой.

Она сняла с ног салфетки, положила их на стойку, подобрала туфли и, спотыкаясь, вышла на улицу. Мэтт молча последовал за ней; так же не проронив ни слова, поймал такси. Он даже не стал возражать, когда Слоан приоткрыла окно и высунула голову, пока они ехали по Лейк Шор Драйв. К тому времени, как они вернулись домой, ее нос и щеки онемели от холода.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

**АИСЯ АГЕНТСТВО ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ
ЯВЛЕНИЙ (АИСЯ)**

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА:
В ОТДЕЛ КОНТРОЛЯ**

**К СВЕДЕНИЮ: ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ
ТЕМА: ПРОЕКТ «RINGER», ПОДПРОЕКТ 05**

В соответствии с полномочиями, предоставленными агентству АИСЯ меморандумом 4 марта 2008 года, подписанным директором Центрального Разведывательного Управления для решения вопросов, связанных с проектом «Ringer AR/CO2», принято решение утвердить запуск подпроекта 5, под кодовым

названием «Глубокое погружение», и выделить на покрытие расходов, связанных с запуском подпроекта, 763 000 долларов из общих фондов проекта «Ringer».

Шарлотта Краус

*Руководитель отдела по Исследованиям Артефактов
АИСЯ*

Слоан слегка укачало, то ли от выхлопов старого дизельного BMW Мэтта, то ли свое дело сделало похмелье. Она прислонилась виском к прохладному окошку и смотрела на дорогу. Рано утром улетела домой Эстер. Они проводили ее в аэропорт, пообещав обязательно в скором времени навещать ее в Калифорнии. Алби сидел на переднем сиденье, держа в обеих руках по телефону, изображая из себя диджея и штурмана одновременно. Инес сидела рядом со Слоан, хлопывая себя по коленкам в такт музыке, раскачиваясь и укачивая Слоан еще больше.

– Господи, Инес, – сказал Мэтт. – Ты похожа на заводную игрушку.

– Ну, если бы ты вел машину потише, а не так, будто тебе нечего терять, я была бы поспокойнее.

– Народ, давайте потише, – попросила Слоан. – Меня сейчас вырвет.

– И что, если мы будем говорить громко, то мы пропустим это событие? – спросила Инес, приподняв бровь.

– Да, – ответила Слоан. – Я без публики не смогу.

Инес засмеялась и протянула ей пустую пачку из-под картофельных чипсов. Слоан все пыталась поймать взгляд Мэтта в зеркале заднего вида. Но тут зазвонил телефон.

– Эдди? – Мэтт взял трубку.

С прошлого вечера он ни разу не взглянул на Слоан.

Слоан недобро посмотрела на Инес, но все же взяла пакет и еще больше прислонилась к окну, пытаясь не обращать внимания на то, как подруга качает ногой. Она смотрела на проплывающие за окном деревья. Они находились в часе езды к северу от Чикаго. Здесь текла неспешная пригородная жизнь, где на идеальных лужайках стояли почтовые ящики в форме домиков, собак и лодок. Ей было интересно, какво это – ходить в школу с деньгами для школьных завтраков в кармане вместо бутерброда с псевдосыром, кататься на машине, которую подарили тебе родители для того, чтобы ты научилась водить, ездить на школьные экскурсии в город, любоваться горизонтом, уходящим в небо. Тихая, спокойная маленькая бесконечная жизнь.

– Эд, заканчиваю разговор, мы въезжаем в мертвую зону, – сказал Мэтт в трубку и секунду спустя положил телефон в подстаканник.

Берт научил ее водить машину, когда ей было четырнадцать. Они занимались в поле за домом, где жили и проходили обучение Избранные. Один раз она чуть было не перевернула старенький Accord, слишком резко развернув машину на грязной земле. Ей не надо было сдавать экзамены, проходить комиссии и стоять в очереди в автоинспекции, как это происходит у обычных людей. Берт сфотографировал ее на фоне пустой стены, а затем в один прекрасный день вручил ей новенькие права, паспорт и карточку кафе Smoothie

Friend «Купи 10 получи 1 бесплатно», на которой уже было приклеено два стикера.

Слоан мысленно улыбнулась. У нее в кошельке до сих пор хранилась эта карточка.

– Ты бы лучше карту скачал, Алби, – сказала Инес.

– Уже, – ответил он. – И уже давно. Неужели, Инес, ты считаешь, что я не знаю, что в местах Слива не работает GPS?

– Я думаю, что ты *когда-то* знал, – заметила Инес. – Но с тех пор прошла пара непростых лет...

– Какой милый эвфемизм для того, чтобы сказать, что я дул без перерыва.

– ...Поэтому я не сильно рассчитываю на твою память.

– Справедливо.

Когда Мэтт свернул с основной дороги, по спине Слоан пробежала дрожь. Она посмотрела на экран телефона – ни одной полосочки сотовой связи, а они еще даже не доехали до места, где в свое время находился Слив. Они даже не знали, почему их пригласили туда. Им позвонили агенты Хэндерсон и Чо, и они откликнулись на звонок. Так было даже лучше. Следить за агентами АИСЯ будет проще, находясь на их территории.

Когда за окном начали появляться первые признаки разрушений, характерные для мест, оказавшихся в зоне Слива, в машине воцарилось молчание. Люди переселялись в подобные места после катастрофы, но это были не те милые до-

мики с лужайками и новыми почтовыми ящиками. До горизонта тянулись временные и полуразрушенные строения, которые никто не отремонтировал после нападения Темного. Люди здесь вели свое существование без воды и электричества, частенько с огромными дырами в полу. Однажды Мэтт притащил сюда Слоан в качестве добровольца для помощи в восстановлении жилья, и ей пришлось пробираться к входной двери дома через разрушенное крыльцо.

Деревья росли как попало, их ветви спутывались друг с другом, корни заросли сорняками высотой в человеческий рост, высокая трава, склонившаяся к земле под собственной тяжестью, опутывала разбитый тротуар. Зимы на Среднем Западе были суровые, дорога была покрыта выбоинами, которые никто не ремонтировал, поэтому машину Мэтта стало кидать из стороны в сторону еще больше, и Слоан снова принялась рассматривать пакет из-под чипсов.

– Ух ты, – сказал Алби. – Нас ожидает веселье!

Слоан вытянула шею, чтобы посмотреть в лобовое стекло, и чуть не ударилась головой о голову Инес, когда та тоже наклонилась, чтобы посмотреть, что там впереди. Казалось, дорога обрывается, а за ней тянулось море разноцветных палаток, похожих на монгольские юрты. За ними, на небольшом холме, стояло правительственное сооружение – геодезический купол, размером с футбольный стадион, построенный над местом эпицентра Слива. На экране телефона Слоан появился сигнал сотовой связи.

Эти места всегда привлекали людей, и Слоан никак не могла к этому привыкнуть. Все они были фанатиками, но среди них тоже существовало разделение на группы: в основном это были те, кто связан с колдовством, но были и скорбящие, убитые горем, кто-то искал духовного исцеления, но были и рьяные последователи Темного, мечтающие о его возвращении.

Мэтт позвонил агенту Хэндерсону. Без его помощи, подумала Слоан, они бы вряд ли пробрались сквозь это море палаток. Он остановил машину на безопасном расстоянии от толпы.

– Агент... да, здравствуйте, это Мэтт Уикс, – сказал он. – Хорошо, спасибо, а вы? Отлично. Мы уже здесь, но есть небольшая проблема... ага. Хорошо, спасибо, – он повесил трубку. – Они пришлют за нами гольф-кар.

– Я не рискну окунуться в эту миску с орешками на *гольф-каре*. Они шутят? Они могут нам расчистить дорогу? – спросила Слоан.

– Очевидно, они уже попробовали все варианты, и все оказалось безуспешно, – ответил Мэтт. Это были его первые слова, обращенные к ней, с самого утра, не считая «прости», сказанного во время завтрака на кухне. – Поэтому или мы идем пешком, или мы едем на машинке.

– Ты забыл про вариант номер три. Мы поворачиваемся и уезжаем домой, потому что по-любому Хэндер Чо захотят от нас то, что мы вряд ли захотим им отдать. Как обычно.

– Сло, да ладно. Все не так плохо, – ответила Инес. – Обещаю. Мы даже разрешим тебе сесть впереди.

– Вот радости-то, – съязвила Слоан.

– Захвати свой пакетик из-под чипсов, – предложила Инес.

Гольф-кар прибыл через несколько минут; это была одна из самых вместительных моделей, с несколькими рядами сидений. Водителем оказался энергичный мужчина лет двадцати, с песочно-белокурыми волосами и крепким рукопожатием. Он представился, сказал, что его зовут Скотт, затем направил Мэтта на стоянку и пригласил всех сесть в машинку. Слоан, как ей и обещали, села впереди, скользнув по скрипучему бежевому сиденью так, чтобы Скотту досталось место рядом. Остальные забрались назад, и машинка двинулась в сторону палаток.

– Миленько тут, правда? – ухмыльнулся Скотт. – Напоминает мне музыкальный фестиваль, вот только...

– А одеваются так же хреново? – спросила Слоан и чуть не выпала из машины на повороте.

Впереди она увидела группу людей в свободной одежде. Они сидели в круге, скрестив ноги. В центре, прижав руки к сердцу, на земле лежала молодая женщина. Когда они проезжали мимо, Слоан обратила внимание на фиолетовый кристалл у нее в руках, который она прижимала к груди. Слоан закатила глаза. Наверное, это был так называемый сеанс. Многие верили, что в местах массовой гибели людей грань

между жизнью и смертью становилась тоньше, поэтому они приходили сюда в надежде на то, что смогут пообщаться со своими ушедшими близкими.

Сразу за ними стоял шатер, перед входом в который находился алтарь. На блюдечке на алтаре тлели палочки с благовониями. На стене палатки была нарисована огромная пентаграмма, а рядом стояла метла – наподобие той, что используют в своих ритуалах виккане². Повсюду вокруг лежали камни, переливающиеся всеми цветами радуги; некоторые из них были завернуты в бечевку, некоторые лежали на низких массивных столах. В воздухе стоял густой аромат пакулей.

– Здесь всегда такой странный воздух, – заметил Мэтт. – Как будто перед грозой, хотя никакой грозы не будет.

– Может, тебя дымом зацепило? – сказала Инес. – Мне кажется, что тут пахнет не только благовониями.

– Нет, я не это имею в виду, – ответил Мэтт.

– Я тоже это чувствую, – донесся сзади голос Алби. – У меня даже голова кружится.

Они проехали мимо старика с голым торсом, игравшего на флейте. Он заметил их и, вздрогнув, уронил инструмент на колени. Слоан увидела, как Мэтт приложил палец к губам в знак молчания. Он всегда так делал, чтобы люди, увидев их, не сходили с ума. Это работало примерно в половине случаев.

² Викка – неоязыческая религия, основанная на почитании природы.

Несмотря на то что Слоан раздражали подобные персонажи, которые считали, что близость к эпицентрам горя, смерти и катастроф дарует им суперспособности или исполнение желаний, они не представляли для нее никакой проблемы. Хуже было с третьей категорией людей, которые собирались на таких площадках. Это была самая неприятная и опасная группа: последователи Темного.

Это были не безобидные колдуны, не современные друиды в длинных одеждах, не экстрасенсы с картами Таро в руках и не астрологи, пытающиеся вычислить положение Меркурия (на данный момент ретроградного). Это были те, мимо которых ты проходишь на улице и даже не обращаешь на них внимания. В основном мужчины, в основном белые, одетые в обычные синие джинсы, которые создавали и администрировали сайты в Интернете, где рассказывали всем, что на самом деле официальные СМИ намеренно искажали информацию относительно Темного. И говорили, что все обстояло не так, что он пришел уравновесить население планеты, уничтожающее ее ресурсы, был явлен для того, чтобы очистить Северную Америку от грязи и так далее, прикрывая свои расистские выпады скорбью о потере великого героя. И хуже всего было то, что они хотели вернуть его, не понимая, что он, вернувшись, не оставил бы от них пустого места.

Слоан заметила, как они стояли и жарили хот-доги на переносном гриле, и стиснула зубы. На палатке позади них красовался девиз, от которого Слоан чуть не подавилась соб-

ственной желчью. ВОССТАНОВИТЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. ВЕРНИТЕ ЕГО ОБРАТНО.

Вот это воззвание к справедливости было самым ужасным. Они думали, что Мэтт – ну, и все остальные, но Мэтт в первую очередь – и были той несправедливостью и злом, которые необходимо исправить. Настоящее зло, которое уничтожит Темный, когда воцарится и установит в мире новый порядок белого превосходства.

Буквально в последнюю секунду, перед тем как их машинка скрылась из виду, один из фанатиков Темного узнал их, ткнул в их сторону хот-догом и крикнул:

– Убийцы!

– Фантастично, конечно, – сказал Мэтт и прикоснулся к плечу Слоан. – Скотт, а эта штука может ехать побыстрее?

– Не, мы и так на максимуме, – ответил Скотт. – Не переживайте, мы уже почти приехали.

Слоан почувствовала, как забилося ее сердце. Один из этих людей шел к ним с хот-догом в руке, кетчуп размазался по его пальцам, возможно, он что-то кричал. У нее так звенело в ушах, что она уже ничего не слышала.

– Привет, Слоан! Тебе удалось поспать?

– Что ты сказал? – крикнула она человеку с хот-догом.

– Ты слышала, что я тебе сказал, сука такая, – прорычал мужчина.

– Сло, – Инес положила ей руки на плечи. – Только не выпрыгивай из машины.

– Но эти чертовы...

– Я знаю, – сказала Инес. – Но и у них, и у их родителей есть смартфоны, на которые они с радостью запишут то, как ты тратишь свое время на какого-то невнятного персонажа с комплексом неполноценности, так что...

– А вот мы и приехали, – зачирикал Скотт, как будто ничего не произошло. – Мы просто пройдем сейчас через охрану, и я позвоню агенту Чо.

Иногда Слоан сомневалась, а достоин ли этот мир того, чтобы его спасти.

Там что-то было. Внутри.

Слоан почувствовала это сразу, как только вошла в дверь.

Она как будто оказалась внутри гигантского мяча для гольфа. В массивном белом здании находилась общественная компания от АИСЯ, занимающаяся расследованием причин возникновения катастроф и восстановления последствий – РиВПК. Купол состоял из небольших треугольных панелей, соединенных друг с другом. Все вокруг напоминало вечеринку на Хэллоуин, у всех находящихся внутри кожа отливала зеленым цветом, поскольку отражала свет от флуоресцентных ламп, расположенных между панелями на потолке. Туда-сюда носились люди, одетые либо в стандартные костюмы, как у госслужащих – черные и серые со скучными галстуками, – либо в белые защитные комбинезоны с опущенными капюшонами.

Агент Хэндерсон ждал их у входа и уже глядел на свои внушительные наручные часы. К груди он прижимал кожаную папку с документами. Когда Слоан впервые увидела его – это случилось после смерти Берта, – он был крепким, мускулистым и энергичным парнем, но с тех пор слегка округлился в районе талии. В его рыжей бороде появилась седина. У него были жена, двое детей, ипотека и накопительный пенсионный счет.

– Привет, ребята! – поприветствовал он с мрачной улыбкой. Слоан присмотрелась к нему повнимательнее. Он выглядел как-то... не так. А может быть, ей только кажется, потому что ей самой было тревожно и не по себе.

Что-то было тут. Под куполом. Она до сих пор это чувствовала.

– Как поездка на гольф-каре? – спросил Хэндерсон.

– Двигатель – огонь! – ответил Алби.

– Сколько мощностей у этой лошадки? А оборотов? – подколола Инес. – А этот крутящий момент!

– Да, а я уж и забыл, что у вас тут свой цирк на колесах, – ответил Хэндерсон и показал на Алби и Инес: – Не заметили ли вы чего-нибудь странного по дороге?

– Мы проезжали мимо людей, которые пытались установить связь с покойниками, но это вполне нормально для такого места, – начал Мэтт. – Кому-нибудь уже удалось поговорить с мертвыми?

– Якобы да, – ответил Хэндерсон, пожимая плечами. – Я думаю, что это все выдумки и мистификация, хотя я уже ничего не исключаю. Слоан, ты в порядке? Неважно выглядишь.

Магия, вот что это было. Так и должно было быть. Она почувствовала покалывание в груди, прямо за диафрагмой. Но раньше она никогда не чувствовала присутствие магии в зоне Слива. Тут было что-то другое, словно в воздухе разлилась апатия, слабость, как будто что-то увяло.

– Спасибо, все хорошо, – выдавила она из себя, обращаясь к Хэндерсону. – Именно это же все хотят от меня сейчас услышать?

Они попрощались со Скоттом, который весело помахал им рукой, прежде чем вернуться к своему гольф-кару, а затем Хэндерсон повел их по шатающемуся временному серому полу вниз, по такому же серому коридору, окруженному с обеих сторон временными стенами. С момента постройки прошло уже более десяти лет, а все здесь выглядело так, будто построено только для того, чтобы вскоре снести. Тут не было кабинетов, только длинные столы, заставленные компьютерами и опутанные бесконечными проводами.

Если представить место Слива как велосипедное колесо, то они прошли по окружности шины и свернули на одну из спиц, чтобы пройти по ней к самому центру колеса.

Когда они подошли ближе, к эпицентру, Слоан увидела, что он окружен стеклянными панелями высотой от пола до потолка. Вокруг панелей стояли мощные прожекторы, освещающие непосредственно место эпицентра Слива. И что бы там ни находилось, те, кто этим занимался, хотели рассмотреть это *максимально* близко.

Нет, не оттуда исходила та самая магия, которую ощущала Слоан. Покалывание опустилось от груди к животу. Она попыталась сосредоточить свое внимание на конференц-зале, куда привел их Хэндерсон, там их уже ждала его напарница – Эйлин Чо. Она крутила по столу свой закрытый ноутбук,

как спиннер. Правая стена зала целиком состояла из окон, сквозь которые открывался вид на эпицентр Слива. По его краю передвигались десятки рабочих в типичных защитных белых костюмах, активно жестикулируя и беря пробы металлическими инструментами.

После себя Слив оставил в земле глубокую воронку, настолько огромную, что на ее фоне рабочие выглядели как маленькие дети. Когда Слоан в первый раз увидела место Слива, она ожидала, что оно будет гладким, как поверхность луны. Но там все еще оставалось то, что напоминало о произошедшем здесь. Сломанные доски, раскрошенный кирпич, обломки асфальта, старые тряпки – вот и все, что осталось от деревенской улочки. Здесь жили люди. Здесь они погибли.

– ...В эти дни мы празднуем юбилей победы, – сказала Чо. – Жаль, Берт не дожил до этого момента.

Инес и Мэтт согласно кивали головой, а Слоан все думала о стопке документов в нижнем ящике ее стола, тех самых, которые она читала рано утром перед тем, как проснулся Мэтт. Берт, предстающий перед ней на этих страницах, был совершенно не похож на того Берта, которого она помнила. Ее Берт никогда бы не назвал Слоан «бродячей собачонкой».

– Слоан, с тобой все хорошо? – спросила Чо. Ее волосы были собраны в свободный пучок, пуговицы на рубашке застегнуты как попало. Чо всегда выглядела так, будто одевалась в темноте. Это была часть ее образа, благодаря теплу и

неуклюжести она создавала впечатление человека, которому можно доверять. Этими же качествами обладал и Берт, Слоан сразу поняла это, когда увидела его за рулем старенькой хонды, появившейся на лужайке перед ее домом.

Слоан по очереди постукивала кончиками пальцев, пытаясь каким-то образом вернуть им нормальные ощущения.

– Что здесь происходит? – сказала она.

– А я вижу, что ты все совершенствуешь свои навыки в ведении светской беседы, – ответил Хэндерсон. – Давайте присядем.

Как только все заняли свои места, Хэндерсон направил пульт дистанционного управления на стену с окнами. Каждое окно загорелось синим цветом, на нем появилось изображение рабочего стола ноутбука с белым курсором. Чо открыла компьютер и нажала на воспроизведение видеофайла под названием «1ICI45G». Они все уставились на крутящееся колесико, обозначающее загрузку файла. Слоан, как обычно, была под впечатлением от капризного программного обеспечения правительственных структур, и даже, возможно, прокомментировала бы это, но сейчас она была слишком сосредоточена на том, как покалывает кончики ее пальцев. Наконец, во всех пяти окнах появилось изображение.

– Эти кадры сняты с рыбацкой лодки, к западу от острова Гуам в Тихом океане. Пять дней назад, – прокомментировал Хэндерсон.

Видео, растянутое на такие большие экраны, было нерез-

ким, но достаточно четким для того, чтобы Слоан смогла почувствовать бесконечные волны, тянущиеся до горизонта, вздувшиеся облака, готовые пролиться дождем, и то, как качается лодка, несущаяся по воде. Все выглядело именно так, как в прошлый раз, когда Слоан была на океане, но сейчас она старалась не думать об этом.

Вдруг океан успокоился, его поверхность стала ровной, как пруд, лодка вернулась в нормальное состояние. Она увидела, как что-то темное быстро движется под поверхностью океана. Нечто пронзило воду и взмыло прямо в воздух. За ним последовал еще один объект, затем другой, все происходило так быстро, что Слоан не могла различить, что это могло быть, что-то размером с человека – нет, даже больше, чем человек, камера была расположена под таким углом, что немного искажала перспективу. Что бы это ни было, оно парило в воздухе над водой, которая снова пришла в движение, и лодка начала подпрыгивать на поверхности, как резиновая уточка в ванне.

Камера приблизила изображение объектов, и Слоан поняла, что это *деревья*. Не просто деревья, а сосны, с темными иглами на ветвях, тяжелыми от воды. Их было около тридцати, и все они висели на разной высоте, как китайские подвески с колокольчиками.

– Что это за хрень? – произнесла Инес.

– Как я уже сказал, – ответил Хэндерсон. – Чо, включите второе видео.

Чо закрыла первый файл и запустила второй, под названием «2ICI45G».

– А это Австралия, – пояснила Чо.

На экране появился скалистый пляж, солнце над водой только начинало садиться. Земля вокруг пляжа была оранжево-коричневого цвета, даже сухая трава, растущая на склонах.

– Ты уверена? – за кадром зазвучал мужской голос.

– Ага! – прочирикал кто-то в ответ. Камера качнулась в сторону, и они увидели огромный валун, размером с дом, к которому привалились другие валуны. Похоже было, что когда-то на это место обвалилась часть скалы. На валунах виднелись силуэты молодых людей, рядом с ними стояли пивные бутылки. Слоан заметила на ком-то бикини, потертые края джинсовых шорт, кто-то спасался от солнца с помощью бейсболки.

Камера увеличила изображение девушки с гибким и загорелым телом; ей было не больше шестнадцати лет, на ней был красно-белый полосатый купальник, выгоревшие на солнце волосы распущены по плечам. Она повернулась к камере и помахала рукой.

– Если в этот раз не получится, то я просто упаду в воду, – крикнула она, пожав плечами. – Ты записываешь?

– Ага, – ответил оператор. – Продолжай!

– Смотри!

За спиной у девушки оранжевым огнем горело солнце.

Вытянув худые руки по бокам, она подняла ногу и ступила на воздух перед валуном, над водой. Затем она переместила вторую ногу так, что оказалась стоящей на воздухе. Слоан увидела небо под ногами у девушки – она стояла на пустоте и не падала.

Полдюжины голосов ахнули в изумлении, ребята подняли вверх пивные бутылки, чокнулись, в руках у оператора, вскрикнувшего от удивления, дернулась камера.

– Я сделаю еще один шаг! – и прежде чем кто-то успел возразить, девушка потянулась вперед, будто вырываясь в небо...

Ее тело накренилось, только не вперед, а куда-то вбок, ноги резко поднялись вверх, и она повисла вниз головой. Она закричала, волосы выгоревшей занавеской болтались над водой. Она падала. Но не в океан. Она падала вверх, к облакам, размахивая руками, ее крики эхом отражались от скал. Камера следовала за ней, пока она становилась все меньше и меньше – маленькая фигурка на фоне облаков. А потом она исчезла, и раздался крик оператора:

– Барбара! Барбара!

На этом видео обрывалось. Экраны снова загорелись синим цветом. В этот раз никто не издал ни одного звука.

– Чо, третье видео, – сказал Хэндерсон.

Файл под названием «3CI45G». Это была подводная съемка, голубые, туманные, сказочные кадры, на поверхности воды играли солнечные блики. Слоан опять вспомнила о своем

последнем погружении, о путешествии на океан, о соленом запахе водорослей, и снова ощутила покалывание, на этот раз не только на кончиках пальцев, но и в районе локтей, как будто у нее затекли руки. Она встряхнула их, наблюдая за тем, как в кадре появился дайвер; его глаза были скрыты за зеркальной подводной маской. Он ткнул пальцем вниз, указывая на морское дно, камера качнулась туда, куда он показывал.

Слоан увидела некий объект, который она приняла сначала за большой пучок водорослей, растущих на дне океана. Человек с камерой подплыл ближе, его движения были плавными. Лучи света, проходящие сквозь поверхность воды, падали на аккуратные ряды растений, их длинные острые листья шевелились, как живые. Дайвер подплыл поближе, и Слоан увидела большую металлическую конструкцию на колесах, из нее торчала какая-то перекладина.

Она узнала, что это. Это была поливальная система, такие использовались для орошения полей вокруг ее родного города.

Слоан наклонилась поближе к экранам, когда поняла, что аккуратные ряды растений на дне океана были не водорослями, а стеблями кукурузы. Вдалеке виднелся трактор. Дайвер проплыл над кукурузой, пытаясь поближе заснять нетронутые початки. Он поднырнул под металлическую арку оросительной системы, в кадре появился трактор. И тракторист с зажатыми рулевым колесом ногами. Его руки были подняты

вверх в сторону поверхности воды.

Чо остановила воспроизведение видео, на экране застыли последние кадры, и только потом она закрыла файл.

– Это было снято на Гавайях, три недели назад, – сказала она. – Мы не смогли опознать мужчину из трактора, но мы знаем, что девушку из второго видео звали Барбара Девор, она пропала месяц назад.

– Это же магия, правильно? – спросил Мэтт. – Что же еще это может быть?

– Безусловно, эти случаи попадают под категорию сверхъестественного, – ответил Хэндерсон. – Мы провели детальные расследования по каждому из этих, а также сотен других инцидентов, которые произошли за последние десять лет. И можем с точностью сказать, что это не мистификация.

– За это время то там, то тут так или иначе происходило что-то сверхъестественное, – сказала Чо. – Но эти эпизоды стали встречаться все чаще, и это происходит в местах, которые расположены близко друг к другу.

– Вы... – Алби сглотнул так сильно, что Слоан увидела, как дергается его кадык. – То есть вы думаете, что Темный вернулся? Или что-то в этом роде? Поэтому вы и попросили нас приехать сюда?

Слоан почувствовала жжение в груди; она не понимала, то ли из-за того же, почему у нее покалывало в руках, то ли просто от ужаса. Сидеть спокойно она уже не могла – она встала и обошла свой стул.

– Что случилось? – спросила ее Чо.

– А что, теперь девушке просто так и пройти нельзя без допросов? – ответила Слоан.

Хэндерсон ухмыльнулся и сказал:

– Нет, мы не считаем, что это дело рук Темного. Нет ни одного показания, свидетельствующего о его возвращении. Ни один из этих случаев не подстроен. Плюс никто из них не владеет магией, но все равно происходит сверхъестественное. Нам кажется – и на данный момент это теория, которой мы придерживаемся в АИСЯ, – что это больше похоже на сломанное радио. Жутко, когда вдруг из него начинает играть музыка, но это не означает, что происходит что-то страшное.

– То есть вы хотите сказать, что наша планета похожа на сломанное радио, и вас это никаким образом не беспокоит? – спросил Мэтт.

– Конечно, нас это беспокоит, – ответила Чо. – Но я верю, что в любой момент магия Земли, или как ее там... возьмет верх над Темными силами.

Слоан, сама того не желая, дернулась к двойным дверям в противоположном конце комнаты. Ее тело горело, и когда она подошла ближе, то почувствовала запах чего-то сернистого, химического и знакомого. Так обычно пахли ее руки после того, как она колдовала.

С помощью артефакта.

Иглы Кощея.

Когда в свое время она отправилась с командой агентов АИСЯ в центр Тихого океана, то она и понятия не имела, какой ценой ей достанется эта Игла. Под конец Слоан так хотела избавиться от нее, что выгрызла ее прямо из своей руки.

Остальные притихли. Или она просто не слышала их, настолько у нее пульсировало в ушах. Она не стала дергать за дверные ручки, просто прижала к ним обе ладони и сделала долгий, медленный вдох.

Она почувствовала, что Мэтт стоит у нее за спиной. Ей не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что это он, она знала его очертания, тепло, исходящее от него. Он встал так близко, что их руки почти соприкасались. Он встал так близко не потому, что они встречались – и даже больше, были *помолвлены*, напомнила она себе, – а потому, что Мэтт был таким человеком, он не боялся близости.

В конце концов он даже не побоялся приблизиться к Темному. Вот почему он был настоящим Избранным: он нанес врагу смертельный удар, потому что не побоялся.

– Что такое? – спросил он.

– А ты разве не чувствуешь? – ответила Слоан.

– Здесь как-то странно, но не больше, чем обычно, – сказал Мэтт. – Что случилось? Что ты чувствуешь?

– Меня беспокоит это с того момента, как мы сюда приехали. Они придумали что-то новое, – сказала она. – И это что-то находится за дверьми. Где-то там.

– Хорошо, – сказал Мэтт, касаясь ее плеча. – Ладно, давай просто присядем и спросим их об этом.

Слоан кивнула. На каком-то уровне она понимала, что позже будет чувствовать себя из-за этого неловко. Но сейчас она просто позволила Мэтту взять ее за руку и отвести обратно к столу. Хэндерсон, Чо, Алби и Инес все еще сидели там и выглядели смущенными.

– Ну, я думаю, что это даже хорошо, так мы плавно перейдем к основной теме, – сказал Хэндерсон, почесывая бороду. – Эмм... поскольку эти инциденты участились, мы активизировали некоторые программы, которые уже были в разработке. На данном этапе важно понять, что такое магия и как мы можем ее использовать, поэтому мы разработали устройство, которое, как мы считаем, направляет магию в нужное нам русло. То, что ты так реагируешь, Слоан, на самом деле очень обнадеживает.

– Вы уже проводили испытания? – спросила Инес.

– Пока нет, – ответила Чо. – Мы надеялись, что вы согласитесь нам помочь. В конце концов, вы – единственные, кого мы знаем, кто успешно владел магией раньше. У вас меньше шансов натворить дел.

Во рту у Слоан появился привкус меди. Она пожалела, что не захватила с собой пакетик из-под чипсов.

– А как это выглядит? Как волшебная палочка? – спросила Инес. – Или как... шар? Или гигантский молот? Скажите, что это гигантский молот!

– Нет, – ответила Слоан.

– Да, точно, ты права. Это же государственные штучки. Значит, это просто скучная и унылая коробка, – предположила Инес.

– Нет, – произнесла Слоан. – Мы не будем вам помогать испытывать ваше чертово оружие.

– Сло, – обратился к ней Мэтт. – Но если речь идет о магии, это не значит, что речь идет об оружии.

Чо села на стул напротив Слоан и положила руки на стол. Костяшки ее пальцев были грубыми и мозолистыми. Однажды Слоан слышала, как Чо говорила о том, что она увлекается скалолазанием.

– Чтобы понять, как исправить то, что уже сломано, – начала Чо, – нам нужно понять, как работает магия и как ее можно использовать. Для этого мы и придумали специальный инструмент – вот и все.

– И вы думаете, я поверю, что вы изобрели эту штуку для того, чтобы девочки-подростки прекратили улетать на небо? – Слоан нахмурилась. – Да вы сделали ее еще до того, как поняли, что в мире происходит всякая ерунда – вы же только что сами сказали об этом.

– Мы правительственное подразделение, занимающееся научными разработками... – начала Чо.

– Я изучала историю, – перебила ее Слоан, сглотнув слюну с привкусом крови. – И я знаю, что побуждает правительство вкладывать деньги в развитие науки. У нас есть ракеты, ко-

торые только и умеют, что тупо летать в космос, потому что мы пытались натянуть Советский Союз. Так что это просто еще одна гонка космических вооружений.

– Даже если это оружие, Слоан, – вклинился Хэндерсон, – неужели ты хочешь, чтобы Россия и Китай выяснили это раньше нас? Они будут делать всё, чтобы первыми взять в оборот эту магическую силу.

– Я бы *предпочла*, чтобы правительства прекратили соревноваться друг с другом в попытке понять, как побыстрее уничтожить население стран противника, – огрызнулась Слоан. По звону в ушах она поняла, что у нее начинается паническая атака.

– Ну, я бы тоже с превеликим удовольствием открыл бы чертову лавку с мороженым, – ответил Хэндерсон. – Но давай смотреть правде в глаза.

– Огромное количество людей погибло из-за магии, – сказал Мэтт. – Вот прямо на этом самом месте. Прямо у нас на глазах. И вы хотите, чтобы мы стали соучастниками в деле, которое может привести к еще большим потерям? – Его голос звучал сдавленно и глухо, давно Слоан не слышала, чтобы он говорил вот так. – И все это после того, что мы видели? После того, что мы сделали?

Он не знает и половины, подумала Слоан. Он ни черта не знал о том, что она сделала, и пусть оно так и остается.

Рядом с ней сидел Алби и смотрел на свои руки, лежащие на краю стола. Когда-то он обладал такой ловкостью пальцев,

что мог мастерить самые сложные оригами, которые она когда-либо видела. Однажды он попытался научить Слоан делать журавлика, но дело закончилось горой смятой бумаги. В плену у Темного его пальцы лишились чувствительности, и ему пришлось завязать с оригами. Теперь эти когда-то искусные руки дрожали.

– Алби, – позвала она.

Он даже не посмотрел на нее.

– Разве... – он откашлялся. Алби был человек ниже среднего роста, с редкими светлыми волосами, торчащими в стороны, и сгорбленной спиной, из-за необратимых повреждений позвоночника. Он был ничьим Избранным. Ни тогда, ни сейчас, ни когда-либо в будущем.

– Разве это не важно – узнать, как использовать эту энергию? – спросил он. – Чтобы никто не смог использовать ее против нас снова?

– Алби, – произнес Мэтт. – Разве ты можешь так говорить?

– А ты тут мне вот этого героя не включай, – сказал Алби дрожащим голосом. – Никто и никогда не использовал магию против вас – любого из вас – так, как это сделал Темный со мной. И что бы это ни было – инструмент, оружие, долбаная плюшевая игрушка, – я не собираюсь сидеть на заднице сложа руки и наблюдать, как весь остальной мир гадает, как бы использовать против нас то, что на данный момент времени мы использовать в ответ не можем. Взаимное гаранти-

рованное уничтожение.

Слоан попыталась найти какие-то слова, но сказать ей было нечего. Он был прав. Она тоже побывала в плену у Темного, но основной удар пришелся на Алби. Он нанес удар по его телу, он лишил его руки чувствительности, он лишил его возможности продолжать войну.

Со Слоан он поступил иначе. Он нанес ей тяжелый удар без малейшего прикосновения.

– А если от твоей помощи погибнут люди? – сказала она наконец с болью в голосе. – Тебе придется нести этот крест до конца жизни.

– А если они погибнут без моей помощи? – ответил он, встретившись с ней глазами. – Нам по-любому нести этот крест. Мы всегда так делали.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

**АГЕНТСТВО ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ
ЯВЛЕНИЙ (АИСЯ)**

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА: ОФИЦЕРУ РОБЕРТУ
РОБЕРТСОНУ**

**ТЕМА: ПРОЕКТ «RINGER», СУБЪЕКТ 2,
ПОДПРОЕКТ «ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ», ИТОГИ**
Уважаемый офицер Робертсон!

В приложении к докладной содержится документ, о котором мы говорили ранее. Мы со Слоан сделали

эту запись на одном из наших сеансов в рамках ее текущей когнитивно-поведенческой терапии ПТСР. Действуя в рамках экспозиционной терапии³, мы должны были спровоцировать у Слоан паническую атаку, чтобы она привыкла к тем чувствам и эмоциям, которые возникают в этот момент. Нижеследующая экспозиция была детализирована настолько, насколько Слоан смогла бы выдержать и позже наиболее эффективно воссоздать повторное переживание события, которое мы называем «Погружением». Я должен напомнить Вам, что эта информация должна остаться конфиденциальной, так как предоставление подобной информации с моей стороны является прямым нарушением Закона о мобильности и подотчетности медицинского страхования. Однако, учитывая тяжелую степень сложившейся ситуации, я согласен с тем, чтобы сделать для Вас исключение.

Спасибо, желаю Вам хорошей недели,

С уважением,

Доктор Морин Томас.

Я нахожусь на корабле АИСЯ. Сегодня холодное утро. Я вижу блики солнца на воде. Когда я тяну за шнурок, прикрепленный к молнии моего гидрокостюма, ткань начинает облегать мое тело. Трубка на вкус напоминает какие-то химикаты. Когда я пытаюсь дышать через рот, у меня забивается нос.

³ Метод поведенческой терапии для лечения тревожных расстройств.

Вокруг меня стоят офицеры АИСЯ; поначалу кажется, что в этих костюмах для дайвинга они выглядят одинаково. Но если присмотреться, то я вижу округлые бедра Мэгги, длинные мускулистые ноги Мэри, щетину и усы Дэна. За масками я не могу увидеть их глаза, что хорошо, поскольку с первых минут нашего знакомства они смотрели на меня достаточно скептически.

У них есть на то причины. Мне всего пятнадцать. Я срочно получила сертификат на погружение, сразу после того, как Берт рассказал мне о моей миссии. До этого момента я тренировалась всего несколько раз.

Но я Избранная, поэтому я должна идти первой, а они должны последовать за мной. И хотя я дрожу от холода, шурюсь на солнце и так боюсь, что меня сейчас вырвет прямо в океан, я сажусь на край лодки и соскальзываю в воду.

Меня обдаёт холодом. Я стараюсь не шевелиться. Дышу глубоко. Чтобы не было гипервентиляции, я полностью выдыхаю, перед тем как сделать вдох. Все тело покалывает и жжет. Это не то жжение на коже вокруг глаз от соленой воды. Это больше похоже на то, как после пробуждения покалывает руку, которую ты отлежал во время сна. По пути сюда я спросила у офицеров АИСЯ, чувствовали ли они то же самое? Нет. Только я. «Она что, все выдумала?» Я чувствую, что они удивлены. Удивлена и я.

Остальные уже в воде. Кто-то бросает мне веревку, один ее конец привязан к лодке, я пристегиваю другой конец к

поясу, дергаю, чтобы убедиться, что она надежно закреплена. Все офицеры АИСЯ ждут, пока я начну двигаться. В зеркальных поляризованных масках они похожи на инопланетян. Погружение, которое меня ожидает, слишком глубокое для новичка. Но ничего изменить нельзя. Я должна это сделать.

Пока я передвигаю ластами, в моей голове звучат строки из стихотворения Эдны Миллей: «Вниз, вниз, вниз, на глубину могилы...» В одной руке у меня фонарик, я прижимаю его к себе. Я отплываю от лодки, время от времени оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что остальные следуют за мной.

Передо мной облачно-голубое пространство. Я вижу пузырьки и песчинки. Вот мимо проплывает кусочек водоросли. Медленно впереди появляется темная фигура, и я знаю, что это.

Я не ожидала, что корабль может так естественно выглядеть на дне океана. Он покрыт тонким слоем песка, таким же приглушенно-синим, как и морское дно. Его можно было бы принять за коралловый риф, если бы не очертания изгибов радиолокационных антенн и главной мачты с прикрепленной к ней лестницей. Я осветила трап фонариком и разглядела белые ступеньки.

Я знаю, это корабль «Сахалин». Несколько месяцев назад, сразу после прохождения инструктажа, я изучила информацию о нем. Советский разведывательный корабль класса

«Приморье», построенный где-то между 1969-м и 1971-м годами. Судна типа «Приморье» были переоборудованы из крупных промысловых кораблей, оснащены оборудованием для радиотехнической разведки и передачи информации на сушу. Обычно их не использовали для ведения боевых действий, но «Сахалин» был особенным судном. Подплыв ближе, я перевожу луч света на отчетливые выступы оружейных систем, одна из которых полностью покрыта водорослями.

Покалывание переместилось в район груди, прямо за грудину. Похоже на изжогу. Когда я подплываю к кораблю, это ощущение перемещается в живот, в самый центр моего тела. Чем ближе я подплываю к источнику энергии, тем больше меня начинает колотить. У меня нет выбора. Не потому, что за моей спиной находятся офицеры АИСЯ, а потому, что мне не дает повернуть обратно то самое странное болезненное чувство.

Кто-то тянет за веревку, которая прикреплена к моему поясу, – это сигнал, что я должна остановиться. Но я плыву дальше. Я проплываю над пушкой, которая находится на палубе, прохожу слева от надстройки на корме. Когда я прохожу над дымовой трубой, меня охватывает ужас, как будто прямо сейчас меня засосет в эту темноту и я исчезну. Но я не могу перестать плыть.

Я приближаюсь к кормовой мачте и понимаю, что это и есть цель моего путешествия. Жжение в груди превращается в глухой стук, словно у меня появилось второе сердце и

его ритм перебивает ритм моего собственного. В надстройке в основании мачты я вижу дверь. Она заперта сломанным замком. Не думая об этом, я бью фонариком по замку, один раз, второй, третий. Изношенный временем и воздействием воды, замок ломается.

Маленькая дверца открывается, и я свечу внутрь фонариком. В комнатке стоит небольшой сундучок, размером с то-стер, искусно украшенный позолотой и эмалью, весь покрытый узорами из цветов и листьев, напоминающий мне матрешку. Я знаю, что должна взять его и выплыть с ним на поверхность, чтобы офицеры АИСЯ отсканировали его с помощью своего оборудования, чтобы убедиться в том, что он безопасен. Но если я сделаю так, то они выстроят вокруг него ограждение, и мне придется смотреть на него, держать его, чувствовать внутри себя биение сердца, которое находится там.

Поэтому я открываю сундук.

В нем на подушечке из черного бархата лежит серебряная игла длиной примерно с мою ладонь.

Игла Кощея.

Во время подготовки к выполнению миссии я прочитала много русских народных сказок. В них говорилось о Кошее, персонаже, который может жить вечно. Он спрятал свою душу подальше от тела, в иголку, которую спрятал в яйце, яйцо в утке, утку в зайце, зайца в сундуке. Он мог умереть, только если человек ломал иглу.

От прикосновения к игле меня бросает в дрожь. Она также начинает дрожать у меня под пальцами.

А потом меня охватывает ужасная боль, от которой белеет в глазах. Покалывание исчезает, вместо него меня со всех сторон начинает жечь пламя. Кожа горит, отделяется от мышц, которые отваливаются от костей, кости превращаются в пепел. Я кричу в маску, она отходит от моего лица, под нее заливается вода. Я задыхаюсь, начинаю метаться, пытаюсь ухватиться за веревку, которая привязана к лодке, но руки меня не слушаются.

И затем новый приступ боли, боли настолько глубокой, что я чувствую ее каждой клеточкой своего тела, как звон колокола на часовой башне в полночь. Это похоже на сильное желание чего-то такого, что вы пойдете на все, даже на смерть, чтобы заполучить это. Это больше чем жажда, тоска, влечение – я опустошена, я черная дыра, состоящая из абсолютного *ничего*, которое притягивает к себе *ничто*.

Вокруг меня кружится и бурлит вода, пузыри такие плотные, что я ничего не вижу. От корабля отрываются куски, и их уносит водоворотом. Мимо меня проносятся черные фигуры – офицеры АИСЯ в аквалангах. Я кричу и захлебываюсь водой, я втягиваю ее в себя, как будто пытаюсь всосать в себя воздух.

Я открываю глаза и вижу над собой небо. Вокруг одни облака. Я подаюсь вперед, вода стекает по моей спине в гидрокостюм. Вокруг меня вода, только не голубого, а красного,

темно-красного цвета. У меня так болит рука, что невозможно терпеть. Я поднимаю ее, пытаюсь рассмотреть, что случилось, и вижу под кожей что-то твердое и прямое, как заноза, рядом с одним из моих сухожилий. Я дотрагиваюсь до нее пальцем. Это Игла Кощея.

Что-то выносит на сушу прямо к моим ногам. Как будто кусочек пластика, я беру его в руку, он мягкий и скользкий. Я роняю его и кричу, я понимаю, что это кусок человеческой кожи. Все вокруг меня усыпано ошметками кожи, мышц, костей и человеческих внутренностей.

Все мертвы. А я одна.

Алби остался с Чо протестировать устройство. Она пообещала отвезти его домой после того, как они закончат.

Слоан не сомневалась, что все работает: она не чувствовала бы его действие так явно, если бы с ним было что-то не так. У каждого Избранного было свое взаимодействие с магическими силами, у Слоан оно выражалось в тяге, поиске, понимании. Она *знала* это устройство, а оно узнало ее.

У Алби с магией было все проще. Он использовал ее более прямолинейно. Его особым артефактом были Вольные пули⁴. В его руках они были просто инструментом, как молоток или пила, например. Его артефакт не был частью его самого, как это случилось со Слоан и Иглой Кощея. Все артефакты, которые они находили, действовали иначе, чем об этом было написано в легендах, не стали исключением и Вольные пули. Но они позволяли Алби владеть элементарной магией, он мог бросаться молниями, заставлять предметы левитировать и тому подобное.

Инес, Мэтт и Слоан побрели обратно и вышли к Скотту, стоящему у гольф-кара. Она больше не испытывала страха перед устройством, вместо этого она онемела и чувствовала, как тело и сознание существуют отдельно друг от друга. Она

⁴ Freikugeln – волшебные пули, которыми в немецких сказках снабжает стрелка дьявол, они обязательно попадают в цель.

знала, что со временем они соединятся, ей просто надо подождать.

Обратно Скотт повез их той же дорогой, петляя между палаток. Не прошло и минуты, как Слоан заметила палатку с надписью «ВОССТАНОВИТЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. ВЕРНИТЕ ЕГО ОБРАТНО», и в ушах зазвенело еще сильнее. Расстояние между телом и сознанием резко исчезло, как будто кто-то хлопнул в ладоши. Она ухватилась за поручень и под крики Мэтта и Инес, зовущих ее по имени, выпрыгнула из гольф-кара.

– Слоан!!!! – закричали они в унисон.

Она проследовала мимо небольшого алтаря – пня, на котором лежало что-то похожее на скелет белки, завернутый в веревки и украшенный бисером; мимо палаток с ловцами снов, висящими в проемах, застегнутых на молнию, вероятно, из какого-то китайского магазина наподобие тех, что продают в секции «товары для дома» в магазинах для хипстеров. Эти люди хотели магии, но они и понятия не имели, что такое магия на самом деле. Они никогда не видели, что происходит с людьми, испытавшими на себе магию Слива. Как от человека отслаивались кости, сухожилия, отделялась кровь, отрывались нервные окончания – как его тело раздвигалось так, что можно было детально рассмотреть все внутри, и все это происходило с человеком, который еще был жив и оставался в сознании.

Она подошла к небольшому костерку, у которого сидели

пацаны, прикидывающиеся мужчинами. Они уже закончили жарить хот-доги и теперь слушали музыку, но у Слоан так сильно звенело в ушах, что она не слышала ничего, даже как ее зовут по имени, только глухие удары басов.

Она заметила охотничий нож, лежащий на упаковке с водой в бутылках, и поставила ногу на переносной гриль, при этом не отрывая глаз смотрела на мужчину, который до этого называл ее «сукой». Не в первый и не в последний раз ее называли этим словом, но именно оно приводило Слоан в бешенство – из-за того, какой мелочной становилась ее реакция, как оно сужало ее всю до глупой и ограниченной сущности.

– Привет, – сказала она вкрадчиво; ее голос прозвучал неожиданно, учитывая происходящее. – Узнаёшь меня?

По его широко раскрытым глазам она поняла, что узнаёт. И как только они снова начали сужаться, а он был готов опять произнести то самое слово, она наклонилась и подняла охотничий нож.

– Какого... – начал было мужик, но она уже дернулась вперед и вонзила нож в стену палатки, прямо в слово СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

– Да какого хрена? – заорал он. Его соратники уже вскочили на ноги. Но Слоан ничего не слышала, в ее ушах стоял звон.

– Ты идиот, – сказала она. – Ты и правда думаешь, что если он вернется, то вознаградит тебя за твою преданность? Если он и восстанет, то вырвет тебе кишки, как и всем

остальным.

– Он убивает только слабых людей, – ответил он. – Твоему парнишке в первый раз просто повезло...

Он перевел взгляд через плечо Слоан на Инес и Мэтта. Что он говорил дальше, она уже не слышала. Она просто ударила его прямо в лицо.

Звон в ушах прекратился. Костяшки трещали. Она встряхнула рукой, стиснув зубы от боли, которая растекалась по всей руке. Из носа мужчины текла кровь, его друзья стояли вокруг, выкрикивая всякие непристойности, но сдачи никто давать не собирался. В конце концов и несмотря ни на что, она была девушкой.

Она дралась и раньше, но всегда забывала, как потом бывает больно. Инес схватила ее за руку и потащила к машинке, Слоан повернулась и, прежде чем сесть в машину, закричала:

– Иди ты на хрен!

Скотт не отрываясь смотрел на нее, пока она садилась обратно.

– Тебе чего надо? – спросила она. Он только покивал головой, завел гольф-кар и поехал так быстро, насколько могла выдержать их машинка.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

РУКОВОДИТЕЛЮ АГЕНТСТВА ПО
ИССЛЕДОВАНИЮ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ
ЯВЛЕНИЙ (АИСЯ)

ОТ: ОФИЦЕРА [REDACTED], КОДОВОЕ ИМЯ
«БЕРТ»

ТЕМА: «ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ», ИТОГИ
Уважаемый директор!

Я глубоко признателен Вам за письмо, касающееся инцидента во время проведения операции «Глубокое погружение». Я опечален и выражаю соболезнования в связи с потерей наших агентов, считавшихся одними из лучших, нам будет трудно продолжать проект «Ringer» без них. Но, как Вы отметили в письме, мы не должны сдаваться, и нам необходимо двигаться дальше во имя великого дела. Темный – слишком серьезная угроза для нас.

Мне понятно Ваше беспокойство относительно дальнейшей возможности работать со Слоан Эндрюс после такой травмы. Я пишу Вам, чтобы поделиться своими наблюдениями, решение, конечно, остается за Вами. Тщательно все обдумав, я должен рекомендовать Вам оставить Слоан Эндрюс в проекте «Ringer» по нижеследующим причинам.

1. Несмотря на то, что подпроект «Глубокое погружение» стоил жизни нескольким агентам, чьи потери для нас представляются бесценными, несмотря

на финансовые потери в количестве около миллиона долларов (очевидно, что вернуть их мы уже не сможем), технически миссию можно считать успешной. Нам удалось найти Иглу Кощея, которая в данный момент находится под кожей в руке Слоан Эндрюс. Что подводит меня к следующему пункту...

2. Хотя мы обсуждали возможность удаления Иглы хирургическим путем, все участники проекта «Ringer» должны понимать, что таким образом мы можем потревожить силу, действие которой не понимаем до конца. Мы не знаем, что произойдет с Иглой, если начнем трогать ее извне. Предлагаю считать Иглу и Слоан Эндрюс неразрывным целым. Если мы сейчас удалим из проекта Слоан Эндрюс, то все те огромные ресурсы, которые мы потратили на поиски Иглы, включая жизни людей, были потрачены впустую.

3. Хотя Слоан сама попросила освободить ее от обязанностей, я не думаю, что мне будет трудно отговорить ее от этого. Я наблюдаю за ней уже много лет. Она мне доверяет. Она стала относиться ко мне как к отцу. Если я скажу ей остаться, она останется.

4. То, как ведет себя артефакт Игла Кощея, наводит на мысль, что Слоан имеет хорошие способности к магии. И, хотя операция «Глубокое погружение» закончилась трагично, мы также можем сделать выводы о том, что Слоан обладает огромной силой, которая может нам понадобиться для победы над Темным.

Исходя из этого, я предлагаю направить наши

силы на то, чтобы помочь Слоан применять свои способности во время боевых действий, так же, как мы помогаем обычным солдатам использовать свои способности в ходе активного боя, прорабатывая с ними полученные психологические травмы и подавляя те части их личности, которые мешают им во время напряженных ситуаций. Слоан прекрасно работает в одиночку, проявляет автономность и высокую степень личной ответственности. Я займусь улучшением и проработкой этих качеств, назначая Слоан одиночные миссии, в то время как с другими я займусь формированием группы под руководством Мэтью Уикса. Также мы можем поручить доктору Морин Томас, психотерапевту Слоан, в дополнение к медикаментозной терапии усилить работу над раздельным мышлением, компартиментализацией, механизмом психологической защиты, который поможет Слоан эффективно поддерживать разумный уровень стабильного состояния в краткосрочной перспективе.

Дайте мне знать, если Вы захотите обсудить этот план подробнее; возможно, у Вас возникнут какого-либо рода предложения. Еще раз благодарю за внимание и цветы. Отступать нельзя, направление только вперед.

С уважением,

#####

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

КОМУ: РУКОВОДИТЕЛЮ АГЕНТСТВА
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ
ЯВЛЕНИЙ (АИСЯ)

ОТ: ОФИЦЕРА, КОДОВОЕ ИМЯ «БЕРТ»

ТЕМА: ОТВЕТ: «ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ»,
ИТОГИ

В своем предыдущем письме я изложил свои наблюдения о Слоан Эндрюс после инцидента с «Глубоким погружением» и представил Вам план дальнейших действий. В ответ Вы выразили недовольство моей «психологической чунгачангой» и посоветовали мне «разговаривать на простом английском языке». Несмотря на то что я был бы признателен, если бы мы в дальнейшем общались с Вами уважительнее, я понимаю необходимость использования более простых выражений в таких сложных вопросах, как этот. Поэтому я попытаюсь объяснить Вам то, что хочу сказать, в более понятных Вам выражениях.

Как я уже говорил ранее, Слоан Эндрюс похожа на бродячую собачку. Так вот, как бы Вы ни относились к уличной шавке, для того чтобы заполучить ее доверие и расположение, Вам просто надо ее накормить. Слоан нуждается в одобрении, как собака в подачке, именно эта потребность может стать поводком, на котором я буду ее держать, даже если при этом она будет ощущать

себя свободной и независимой.

Мы не можем сейчас разбрасываться субъектами проекта «Ringer» – слишком поздно. Или они победят Темного, или мы все умрем.

Надеюсь, сэр, что в этот раз мой английский был достаточно Вам понятен.

С уважением,

#####

Слоан стояла у входа в крыло Современного искусства Чикагского Института Искусств, на часах было 9:30 утра. Ее подруга Ребекка должна была впустить ее на час раньше, чем музей открывался для посещения.

Сквозь стеклянные двери она увидела Ребекку, которая заплетала кончик своей косы. Она зевнула, открыла дверь и пригласила Слоан войти.

– Ты слишком суетишься, – сказала Ребекка. – Все в нашем возрасте мучаются похмельем, а ты – нет?

– Во-первых, – ответила Слоан, – у *нас* возраста нет, тебе вообще двадцать два. А во-вторых, сегодня вторник.

– И какие проблемы? Отжечь в понедельник можно не хуже, чем в пятницу.

Посещение Слоан музея в неурочное время стало уже привычным делом. Персонал знал ее, и никто никогда не возражал против того, чтобы впустить ее пораньше. Возможно, это была единственная привилегия для Избранной, которая приносила ей удовольствие.

Так проходили ее будни. Она не работала. Правительство заплатило им достаточно денег за их службу, и Слоан вложила деньги в инвестиционный банк. Жила она скромно, деньги работали, это помогало ей не думать о них какое-то время.

У остальных была более прочная почва под ногами, но им

пришлось заплатить за это разную цену. Мэтт продал права на свою автобиографию, написанную в соавторстве со знаменитым писателем, и этих денег было бы достаточно для того, чтобы ни о чем не думать, но Мэтт был не таким человеком. Он постоянно путешествовал, выступал на конференциях и в университетах, появлялся на благотворительных концертах и вечерах, встречался с политиками и общественными деятелями. Эстер тоже монетизировала свою славу — она бесконечно занималась своим каналом и подписчиками. Инес сделала иллюстрации к графическому роману о своей истории, раскрасив темные моменты яркими всполохами цвета. Тем временем Алби снимался в заграничной рекламе, пытаясь вернуть то, что он потерял во время своего пребывания в клинике для реабилитации наркоманов.

Слоан понимала, что настанет день и ей придется найти такую работу, которая бы не шла вразрез с ее личностью — пусть даже это будет работа, для которой не нужны ни опыт, ни соответствующая квалификация, иначе ей придется по кусочку продать себя миру, так, как это делали остальные Избранные. Она не осуждала их за это — ну, только если чуть-чуть, — но в глубине души понимала, что уж лучше она будет жить в гараже у своей мамы, чем пожертвует тем немногим, что осталось от ее частной жизни после того, как она стала знаменитой.

Слоан шла по широкому белому коридору крыла Современного искусства; по обеим сторонам тянулись галереи,

пространство было светлым и открытым. Она поднялась на третий этаж, откуда всегда начинала свои визиты, в зал «Архитектуры и дизайна». Здесь было пусто. Обычно здесь всегда было пусто, даже если по всему остальному музею ходили толпы народа. Она прошла мимо стульев из витой проволоки, вазы, похожей на пролитое молоко, к эскизам проектов зданий Чикаго. Она села на ближайшую скамейку и уставилась на чертеж из «Плана Бернхэма» – нереализованного проекта городского планирования Чикаго.

В тот момент, когда ее брат Камерон решил присоединиться к борьбе против Темного, он учился на архитектора. Он умер во время одного из первых Сливов, в Миннеаполисе. Они даже поссорились из-за его решения отложить учебу, хотя ей тогда было всего двенадцать лет. «Ты не солдат, ты не можешь воевать, ты ботаник, тебя убьют!» Может быть, тогда у нее ненадолго приоткрылся дар предвидения.

После того как мама продала дом, Слоан забрала оттуда все вещи Камерона. Она так много раз рассматривала наброски в его записных книжках, что запомнила их все наизусть. Все, от детского рисунка собачьей будки до детального, тщательно прорисованного плана этажа дома своей мечты. Он хотел создавать такие дома, где всем было бы интересно и тепло. «Дома, где ты не чувствуешь себя, как дома», – однажды в шутку сказала она ему. Имея в виду *их* дом.

Камерону нравилось бывать здесь. И она приходила сюда, чтобы навестить его. Она не приезжала на место его гибели,

не ехала в трущобы Иллинойса, где они провели свое детство, она приходила сюда.

Слоан редко задерживалась надолго, обычно на полчаса, и уходила бродить дальше, посмотреть, какие новые экспозиции появились в музее. Внизу проходила выставка фотографий больших буровых машин. Походив среди них пару минут, она попрощалась с Ребеккой, которая уже с самого утра выглядела так, как будто ей все надоело. Она повернула направо, направляясь к тропинке у озера, и сделала несколько кругов, прежде чем побежать на север, к дому Инес и Алби.

В ее глазах отражалась стальная синева озера. Было пасмурно, и над водой висел туман, размывая линию горизонта. Обычно пробежка длиной в десять с половиной километров занимала у нее около часа. Она проследовала мимо женщины в ярко-розовых леггинсах, выгуливающей пятнистую собаку, и небольшой группы велосипедистов. В сантиметрах от нее стремительно пронесся мужчина в коротких шортах.

Она смотрела, как волны Мичигана разбиваются о волнорезы, как на пляже для собак псы гоняются за теннисными мячиками, как, сжав кулаки, женщины в бейсболках занимаются спортивной ходьбой. Никто не обращал на нее никакого внимания, она была просто одной из тех, кто приходит в парк утром побегать и набраться энергии на целый день. Она свернула с тропинки, ведущей к озеру, и направилась к кофейне «Джава Джем», расположенной в том же доме, где жили Инес и Алби.

Она заказала кофе и, затаив дыхание, чтобы успокоиться, понесла его друзьям, в большую угловую двухкомнатную квартиру на втором этаже. На лестничной клетке лежал темно-зеленый коврик, вытертый посередине многочисленными посетителями. На стенах висели обои в фиолетово-красно-зеленый мелкий цветочек.

Когда Слоан показалась на лестничной площадке, Инес уже стояла у открытой двери, в очках и с уложенными на макушке волосами.

– Ты что-то рановато сегодня, – сказала она, схватив свой кофе с подноса и заходя в дом.

Слоан отхлебнула из оставшегося стакана, ее рот наполнился корицей.

– Теперь можно жить!

Инес попробовала кофе Слоан:

– Я не знаю, как ты вообще это пьешь? Тут же одно молоко!

Под кроссовками Слоан скрипел пол. Это был типичный пол в чикагских домах, из желтоватого дуба, и скрипел он всюду и везде, куда бы вы ни наступили. Дверь в комнату Алби была закрыта, дверь в комнату Инес тоже, только закрыты они были по-разному. Алби отгораживался таким образом от постороннего шума, Инес же закрывалась на засов, как банковское хранилище. Еще несколько лет назад, несмотря на то что это было незаконно, она ставила у входа растяжки, и Слоан не хватало смелости спросить, делает ли Инес так

до сих пор. Она притворялась, что все в порядке, но Слоан видела и аккуратную батарею лекарств на туалетном столике подруги, и то, как она дергалась, реагируя на определенные жесты и звуки.

В доме было тепло и уютно, напротив телевизора стояло большое кресло-мешок в виде груши, на окнах вместо занавесок висели канадский и мексиканский флаги соответственно.

Инес вернулась к плите и принялась ковырять яичницу деревянной ложкой. На кухне стоял устойчивый запах лука.

– Знаешь, когда тебе стукнет тридцать, весь этот стиль жизни, который больше подходит студентам, покажется тебе менее очаровательным и даже жутковатым, – сказала Слоан.

– Что ты имеешь в виду? Фродо?

– Если ты о кресле-мешке, который ты назвала Фродо Бэггинс, то да, я имею в виду именно его.

– Знаешь, если ты отказываешься наслаждаться жизнью, то это еще не означает, что мы должны сделать то же самое, – сказала Инес. – У тебя в ванной лежат белые полотенца, ты кайфуешь от пробежек по мокрому снегу, ты прямо как папа из комиксов про Кельвина и Хоббса.

– Мне всегда нравился этот персонаж.

– Не сомневалась, – фыркнула Инес. – Ты уже поговорила с Мэттом?

Слоан покачала головой.

– Еще нет, у него вчера было мероприятие по поводу за-

ключенных, сегодня встреча с утра. А что?

Инес отхлебнула кофе.

– У меня неприятности, да? – сказала Слоан.

Инес пожала плечами.

– Если он думает, что я должна извиниться перед ним за то, что ударила того придурка...

– Я спросила тебя об этом не для того, чтобы ты поссорилась с ним еще до того, как его увидишь, – ответила Инес. – Только не думай, что он тебе спасибо скажет за то, что решила в очередной раз поиграть в его маленького белого рыцаря.

Слоан нахмурилась.

– Да, я именно так и сказала. А ты уже видела новое видео «Эсси говорит»?

– Нет. Насколько все плохо?

Инес достала из кармана толстовки телефон и протянула его Слоан. На экране было открыто видео из аккаунта Эстер в Insta!.

Слоан была знакома обстановка на экране – обычно Эстер записывала свои видео в кабинете, оформленном как мечта подписчика в Pinterest: вокруг драпировка стильными тканями приглушенных цветов, приятное освещение с бледно-розовым оттенком, профессиональный свет, за счет которого волосы Эстер приобретали самый блестящий вид. В центре всей этой сказки сидела подруга, одетая в свитер серо-верескового оттенка, и попивала чай из чашечки, на которой сбоку была вырезана маленькая птичка. Видео называлось: «Эс-

си говорит, что она путешествует!»

На видео возникли кадры, снятые Эстер за день до этого; на них подруга занималась уходом за кожей, наносила макияж, готовясь к предстоящему дню. Слоан всегда с извращенным удовольствием смотрела эти видео и восхищалась, как же далеко продвинулась индустрия красоты и ухода за собой, на примере своей подруги. У Слоан по утрам вообще плохо работала голова, и вряд ли бы у нее получилось запомнить, что и как ей надо сделать с самой собой. Только если кофе выпить.

Или закинуться амфетаминами.

– Я никогда не смотрю, как она красится, я чесаться от этого начинаю, – Инес потянулась к телефону и перемотала тот отрывок, где Эстер наносила на себя крем, основу для макияжа, пудру и прочее. Она снова появилась на экране, потягивая чай в своем сером свитере.

– У меня есть для вас кое-какие новости, – сказала Эстер, поигрывая бровями. Она говорила своим специальным голосом, который всегда использовала для записи видео, таким бодрым и одновременно вкрадчивым, похожим на ее настоящий голос, но немного другой. – Нет, конечно, речь идет не о том, как моя девочка Слоан залепила по лицу мужику, это видео вы можете посмотреть по ссылке, которую вы видите под заголовком...

– Просто супер, – выдохнула Слоан.

– ...13 февраля я запускаю свой личный бренд Essy Girl.

Это не просто бренд, а образ жизни! – Идеально подведенные глаза Эстер засверкали. – Именно так! Теперь все, что вам нужно, вы сможете купить в одном магазине, там же получить рекомендации и ознакомиться с отзывами на любой продукт! Ты же сама знаешь, что хочешь быть девочкой в стиле Эсси.

– Ну, – сказала Слоан, когда Инес остановила видео. – Это в любом случае было неизбежно.

Инес выключила плиту и положила яичницу на тарелку, стоявшую на столе.

– Я пригласила ее приехать ко мне через пару недель. Присоединяйся. Будь потеплее.

– Мне нравится холод, – ответила Слоан. – Во мне говорит моя северная кровь.

– Нет, в тебе говорит твое упорное желание любить то, что всем остальным ненавистно, и ненавидеть то, что любят все остальные, – сказала Инес и ткнула вилкой в упругие желтки на тарелке. – Ты все равно должна к нам присоединиться. Я собираюсь похитить Алби.

Слоан вздрогнула при слове «похитить», но ничего не сказала.

– Ты его видела с тех пор, как мы его там оставили? – спросила Слоан. – Он сказал, работает ли тот инструмент, о котором шла речь?

Инес нахмурила брови.

– Нет, он вернулся вчера вечером, закрылся в своей ком-

нате и пока не выходил. Но, мне кажется, все работает. Не может быть иначе.

Слоан неожиданно потянуло в сон.

– Может быть, не все так плохо. Если мир рушится – ты же видела ту девочку, упавшую в небо, Господи помилуй, – то если для того, чтобы все исправить, нужна магия, пусть так оно и будет.

– Ну, если на то пошло, именно магия разрушает мир, – мрачно произнесла Слоан.

– Ты так все это ненавидишь, – сказала Инес, кивнув на шрамы на руке у подруги. – Но ты никогда не говорила нам, почему ты испытываешь такой негатив к магии.

Слоан инстинктивно спрятала руку под край стола.

– Я не то чтобы ненавижу, – ответила она. – Просто я видела своими глазами, к чему она может привести.

– Как и все мы.

– Да, – сказала Слоан. Но она имела в виду другое. Не Слив, не падение башни, не даже смерть Темного. Она имела в виду привкус меди и соли на своем языке, который она ощутила в свои первые моменты на суше после «Глубокого погружения».

Кофе в ее стаканчике кончился, на дне оставалась лишь пена.

Тем же вечером Слоан получила сообщение от Эстер: «Клевый удар. Берт бы гордился тобой!» Ниже была ссылка на размытое видео с мобильного телефона, на котором Слоан была фаната Темного. На неподвижном кадре к видео застыла Слоан с оскаленными зубами и кулаком, прижатым к лицу. Она всмотрелась в изображение, заметила блеск пота на своем бледном лице и странную пустоту в глазах. Это выражение своего лица она часто видела в зеркале после смерти Темного.

– Черт, – сказала она вслух. Мэтт только что вернулся домой с деловой встречи с Эдди. Он вешал свое пальто в шкаф.

– Тут в Интернете уже повсюду мое видео с тем парнем...

– Вот так новости, – ответил Мэтт, закрывая дверцу шкафа. Рукава его бледно-голубой рубашки были закатаны до локтей.

– Ты знаешь, мне ни капельки не стыдно, – сказала она. – Этот парень – кусок дерьма. Он заслужил.

– Но это не повод.

– Но я защищала тебя!

– А вот *это* уже повод, – ответил Мэтт. – Я не нуждаюсь в твоей защите, Слоан. Я в состоянии сам о себе позаботиться.

– Но ты и не собирался этого делать, – сказала Слоан. – Ты ведешь себя так *пассивно* в подобных ситуациях...

– Пассивно? – Мэтт резко рассмеялся. – Пассивно? Как ты думаешь, чем я занимался каждый день с тех пор, как мы уничтожили Темного? На диване сидел?

– Нет, нет, конечно, – ответила Слоан. – Но такие люди, вроде этого...

– Не являются для меня проблемой, – продолжил Мэтт. – Их легко вычислить, и легко избежать общения с ними. Моя настоящая проблема – это довольные жизнью люди, которые улыбаются тебе, при этом отказываясь и пальцем пошевелить ради того, кто отличается от них. Вот с кем мне придется ежедневно бороться, пытаюсь заставить их сделать хоть что-нибудь. И было бы просто здорово, если бы моя девушка могла понять это, вместо того чтобы усложнять мне жизнь.

– И как же я усложняю *твою* жизнь? – взвилась Слоан. – Если в новостях полощут *мои* фотографии?

– Да, фотографии твои, но теперь везде по всем каналам показывают этих придурков и цитируют их лозунги, выставив их жертвами! Ты появилась на пустом месте, угрожала им ножом...

– Я никому ножом не угрожала!

– Только твои фотографии с ножом говорят об обратном. Ты считаешь, что это все дерьмо не вернется к каждому из нас? Если мы с Инес считаем, что ты проявила жестокость, то мы остаемся в стороне? Только мы не можем соскочить с этой темы так, как умеешь это делать ты! Мы сидим тут и с ума сходим от мысли о том, что какая-нибудь кучка экс-

тремистов решит ответить жестокостью на жестокость, придет и спалит наши дома к чертям собачьим!

– Такого не произойдет.

– Должно быть, здорово чувствовать себя так уверенно, – ответил Мэтт. – Только я вот почему-то не уверен. Я не могу себе позволить выливать из себя все свое дерьмо на других людей, я не могу себе позволить ударить человека, я боюсь все испортить. Мне всю дорогу приходится проигрывать, постоянно, всем и каждому.

Весь гнев, казалось, разом покинул его, и он рассеянно сел на диван. Пакет со льдом, который Слоан прижимала к распухшим костяшкам пальцев, растаял и лежал между подушками.

Ей хотелось утешить его, но она не знала как. Она никогда не видела его таким уставшим, таким... *разочарованным*. В мире, в самом себе, даже в ней. Она села рядом с ним, обхватив колени руками. Телевизор был выключен, и она увидела их отражение в черном экране: голова Мэтта была низко опущена, она сидела ровно и прямо.

– Они называли тебя «мальчиком», – сказала она тихо.

– Ага, – ответил он, повернулся к Слоан и посмотрел ей в глаза. – Еще что нового сказали?

– Что мне оставалось делать? Стоять и слушать, как они будут унижать тебя? – спросила она.

– Во-первых, тебе изначально надо было оставаться в гольф-каре. – Он приподнял бровь. – Что с тобой происхо-

дит в последнее время? Ты набросилась на него, как тигрица, еще прежде, чем он успел слово сказать. Ты ведешь себя так, как будто хочешь весь мир сжечь дотла.

Эстер тоже спрашивала ее об этом: что с тобой происходит? Ответ на этот вопрос лежал в нижнем ящике ее прикроватной тумбочки, в стопке распечатанных документов АИСЯ.

Мэтт как будто прочитал ее мысли:

– Эстер рассказала мне о твоём запросе в АИСЯ.

– Боже, Эстер, – Слоан на мгновение закрыла лицо руками. – Чтобы я еще раз ей что-нибудь сказала...

Мэтт молчал. Ее раздражала его поза. Его опущенные плечи. Было бы лучше, если бы он накричал на нее.

– Я запросила документы о проекте «Ringer», – ответила она. – Мне хотелось знать все, что можно. Это моя жизнь, и у них есть все эти *записи* о... ней.

– Мне понятно твоё желание, – сказал Мэтт. – Мне непонятно другое, почему ты не сказала об этом мне? То есть ты упомянула об этом Эстер, но не сказала мне.

– Я собиралась сказать тебе сразу, но начала читать, и меня это все очень расстроило.

– И что? Ты боялась расстроить меня?

Слоан покачала головой:

– Нет, не поэтому.

– Тогда расскажи мне, в чем дело? – Его голос звучал очень искренне, но Слоан слишком хорошо знала своего лю-

бимого, чтобы повестись на это. Он говорил таким голосом во времена их сражений с Темным. Она вспомнила один эпизод, он произошел в тот момент, когда они вели слежку за Темным, тогда еще просто человеком, а не тенью посреди разрушающего все вокруг Слива. Инес действовала по многообещающей наводке, которая в итоге ничего не дала. «Скажи мне, как так получилось?» – спросил Мэтт по ее возвращении вот таким же голосом. Тишина длилась недолго, прежде чем он взорвался. Их всех пронзило стрелой гнева, выпущенной из натянутой от долгого ожидания тетивы. Она и не думала, что напряжение от последних дней их совместной жизни или событий, связанных с празднованием десятилетия победы, так сильно повлияло на него.

– Порой, когда я сильно чем-то расстроена, все, что ты говоришь мне в этот момент, – это то, почему мне не надо расстраиваться, – не сразу ответила Слоан.

Мэтт фыркнул:

– Разве это плохо?

– Это сводит меня с ума! Как будто я не могу доверять своим собственным эмоциям и реакции на то, что со мной происходит!

– Нам всем нужен кто-то, кто поможет нам посмотреть на вещи с разных сторон.

Она закатила глаза.

– Ты думаешь, я не в состоянии посмотреть на то, что со мной происходит, со всех сторон?

Она потратила целую жизнь на то, чтобы научиться реагировать, а затем подвергать сомнению эти реакции – постоянно сомневаясь, допрашивая себя, заставляя свой мозг воспринимать все так, *как надо*.

– Ты думаешь, я не *в состоянии*? – Ее голос начал звучать все громче. – А ты не думал о том, что если я чем-то расстроена, то это стоит того, чтобы расстраиваться?

– Это объясняет, почему ты в последнее время сама не своя, – ответил Мэтт. – Если бы я знал, я бы...

– Твоя проблема заключается в том, что ты считаешь, что вот такая я – это не я, – произнесла Слоан. – Точно так же, как ты думаешь, что день, проведенный в плену у Темного, был для меня чем-то вроде прогулки на лодочках, и я должна уже забыть об этом и... закружиться от счастья в предсвадебном угаре, или что-то вроде этого.

– Да, знаешь что? Я думаю, последние десять лет ты должна была пахать, чтобы справиться со всем, что случилось, а не валяться круглыми сутками без дела и жить, как отшельник, – Мэтт сорвался, терпение лопнуло. – Я никогда не говорил тебе, что будет легко. Я всего лишь просил тебя попробовать перестать вести себя так, как будто ты единственный человек в мире, кто испытывает боль.

Они оба замолчали. Щеки Слоан вспыхнули. Она боролась с желанием выбежать из комнаты, зная, что так поступил бы только ребенок, в чем он, собственно, ее и обвинял. Но так же отчаянно ей хотелось спрятаться от его слов. Каж-

дый раз, когда ей начинало казаться, что она понимает его незнакомые стороны, она вспоминала, что это невозможно.

Телефон Мэтта зажуужал, мигая в кармане джинсов. Он отклонил звонок. Она глубоко вздохнула и вспомнила о неподвижном кадре, запечатлевшем удар, пустоту в глазах и скрежет ее зубов. Ее внутреннюю бродячую собаку.

– Чувак, ты меня так видишь, – засмеялась она. – Как только тебе хочется жениться на таком эгоистичном ребенке?

– Слоан...

На телефоне Слоан, лежавшем на кофейном столике экраном вниз, зазвучали первые аккорды «Good Times Bad Times» Led Zeppelin – мелодия, которую она поставила на Инес. Она наклонилась и выключила телефон.

Пару секунд спустя опять зазвонил телефон Мэтта, на этот раз он взял трубку:

– *Что*, Инес?

Он слушал несколько секунд, а затем обмяк, его тело провалилось в кресло, стоящее у стола.

– О, Боже, – сказал Мэтт. Он прикрыл трубку ладонью и повернулся к Слоан: – Алби в больнице, – и затем вернулся к разговору по телефону: – Нет, прости, сейчас мы будем.

– Ты видела его после возвращения с места Слива? – спросил Мэтт.

Они ехали в больницу на BMW Мэтта и застряли на самом долгом в мире светофоре – по крайней мере, так казалось сейчас Слоан.

Слоан посмотрела в окно:

– Нет, мы не виделись.

Шел дождь, и разноцветные огни банковской вывески на углу отражались неоновым светом на мокрой дороге. Загорелся зеленый, и она услышала рев дизельного двигателя и шуршание автомобильных шин по асфальту. В машине было тихо, никто из них не включил радио, так и ехали молча.

– Ты прости меня, если я... – начал Мэтт.

– Давай только не начинай, – Слоан закрыла лицо руками. – Я просто... Давай сейчас сосредоточимся на Алби.

Неделю назад в банке с мукой она обнаружила origami – пингвина. Все углы поделки были четкими, значит, это была его старая работа. Но он все же решил положить его туда, зная, что она улыбнется. Иногда ей казалось, что Алби – единственный человек в мире, который ее знает. И все потому, что ему ничего не надо было от нее – ни секса, ни любви, ни секретов. Между ними не было никаких «товарно-денежных» отношений.

Инес не сказала по телефону, почему Алби оказался в больнице. У Слоан было несколько предположений. Возможно, это был несчастный случай, такое может случиться в любой момент с каждым. Может быть, это были последствия экспериментов с новым магическим устройством. Они так мало знали о магии, что Слоан бы не удивилась, если бы узнала, что магия вредна так же, как и радиация, и ее негативное воздействие на организм со временем усиливается. Но самое очевидное и предсказуемое было то, что у Алби случился рецидив и он передознулся наркотиками.

Мэтт припарковал машину на стоянке у больницы, и они со Слоан снова стали одной старой и доброй командой. Она всегда лучше него ориентировалась в новых местах, умела замечать и правильно читать знаки, лучше разбиралась в планировке зданий и общественных пространств. Мэтт, не отрываясь, следовал за ней; так они дошли до коридора, который вел в отделение неотложной помощи, затем нашли комнату ожидания, где сидела Инес с красными заплаканными глазами.

– Я нашла его час назад, – сказала она, проверяя время на телефоне. – Наверное, у него была старая заначка. Или он умудрился купить что-то новое, пока я не видела, – не знаю. Доктор сказал, что доза была не больше, чем он обычно принимал, просто он так долго был «чистым», что его организм не смог справиться даже с минимальной дозой.

– Значит, это был несчастный случай? Он ничего... не пы-

тался сделать с собой специально?

– Точно сказать не могу. Он же не идиот, он наверняка точно знал, что эта доза его прикончит.

Слоан слушала, что говорит Инес, но одновременно наблюдала за другими людьми, находящимися в приемном отделении. Они смотрели на них. Перешептывались. Ерзали на месте, пытаясь достать из карманов телефоны.

– Как он выглядел, когда вернулся с места Слива? – спросил Мэтт.

– Не очень, – ответила Инес. – Но делал при этом вид, что все хорошо. Он сказал, что просто устал, было уже поздно... я и не подумала проверить его...

– Никто тебя ни в чем не обвиняет, – сказал Мэтт. – Ты же не умеешь читать мысли, и никто не ждет этого от тебя.

– Эй, – крикнула Слоан, показывая на двадцатилетнего парнишку с гелем на волосах, который держал свой телефон так, как будто снимал видео. – Ты какого хрена творишь?

– Сло... – начал Мэтт.

Она пересекла приемную и выхватила телефон из рук парня, который, широко раскрыв глаза, судорожно пытался убрать телефон. Она быстро нашла видео, удалила его и бросила сотовый обратно ему на колени. Телефон прилетел прямо в живот, удар был достаточно сильным, звук был похож на пощечину.

– Не лезь не в свое дело, – тихо сказала Слоан.

Мэтт пошел спросить у администратора, нет ли других

свободных комнат, где они могли бы подождать, и Слоан молча села рядом с Инес.

Следующие несколько часов они провели в пустой смотровой комнате. Инес сидела на столе, Мэтт и Слоан – на стульях. Все в комнате было темно-серого цвета и цвета морской пены, такой же была кухня в родительском доме Слоан. Как только они вошли, она включила телевизор, переключив на канал с ночными повторами ситкома, который она любила в детстве. Слоан умела засыпать в тревожных ситуациях, поэтому просто откинулась на спинку стула, прислонилась головой к стене и через несколько минут провалилась в сон, в ушах у нее звучал закадровый смех.

Было около полуночи, когда дверь наконец открылась и в смотровую зашла женщина средних лет, одетая в лабораторный халат поверх брюк и блузки, с зачесанными назад волосами и серьезным выражением лица.

– Привет, – произнесла она. – Меня зовут доктор Харт. А вы, вероятно, друзья Алби?

Инес сидела, запустив руки в волосы. Мэтт уже был на ногах, он переключал телевизор на другой канал. А Слоан просто смотрела на врача, потому что по тону ее голоса, по неуверенному изгибу ее плеч она уже знала, что будет дальше.

– У меня для вас плохие новости, – сказала доктор Харт. Все остальное смешалось с помехами на экране телевизора, белым шумом и гулом больницы. Слоан уловила ос-

новное: отказ органов, Алби, связаться с семьей. Мертв. Она даст им немного времени, а потом вернется, чтобы ответить на любые вопросы. Сочувствую вашей потере.

Слоан просто моргала и смотрела на два мусорных ведра, стоящих перед ней: одно красное – для биологических отходов, и белое – для остального мусора. На стене висел плакат с изображением системы кровообращения – человек, состоящий из вен и артерий.

Слив как ничто другое напоминал о том, из чего состоит человеческое тело. Слоан подумала об этом, когда впервые увидела, как это происходит в реальности. Как люди расслаиваются прямо у тебя на глазах, как отходят кости, мышцы, внутренние органы. Вот они слеплены вместе и через мгновение распадаются на части. Слоан всегда была равнодушна к механике, ей очень нравилось смотреть, каким образом работает тот или иной механизм. Она всегда изумлялась сложности человеческого тела, которая открывалась перед ней в те ужасные моменты, перед тем как реальность смерти отрезвляла ее разум.

Но также Слив научил ее тому, насколько хрупким бывает человек. Каким слабым. И как легко его можно уничтожить. Она сразу приняла тот факт, что Алби больше нет. Фактически он был просто человеком, его тело было таким же, как и у всех других, таким же нежным, слабым и хрупким.

Но принять, что он ушел, оставив после себя целый мир, нет, она не могла.

Доктор Харт оставила их, в комнате воцарилось молчание. Никто из них не проронил ни одной слезы. Никто даже не пошевелился. Часы тикали, по телевизору гудели ночные новости.

Наконец Слоан начала двигаться, она должна была что-то сделать, иначе она начала бы кричать. Она достала телефон и открыла записную книжку.

– Я позвоню Эстер, – сказала она, обращаясь скорее к экрану телефона, чем к Инес или Мэтту. – Кто-нибудь из вас может связаться с матерью Алби? Меня она никогда не любила.

Мэтт уставился на нее, будто не понимая, о чем она говорит.

– Я позвоню ей, – произнесла тихо Инес.

– Спасибо, – ответила Слоан. – Я выйду в коридор, побудьте пока тут.

Она встала, спина болела от долгого пребывания в больничном кресле. Она думала о боли, о том, как скрипит пол под ее кроссовками, о химическом запахе растворителя. Медсестра, поджав губы, одарила ее улыбкой, и она рефлексивно улыбнулась в ответ.

По крайней мере, в подобных ситуациях существовал устойчивый протокол действий. Позвони семье, друзьям. Реши вопросы, которые могут возникнуть у них в ближайшие недели или месяцы, даже если сейчас их не интересуют подробности. Потом иди домой, поспи.

Слоан не нужно было думать о похоронах. Они все знали, какие друг у друга предпочтения на этот счет. Они много говорили об этом во времена войны с Темным, о непредвиденных обстоятельствах «на случай, если я не успею». Алби хотел, чтобы его кремировали. И развеяли его пепел на месте Слива. Без разницы, на каком именно месте. Никаких больших похорон, он не любил толпу.

Когда Слоан позвонила Эстер, та была в клубе, ее было трудно расслышать из-за сильных басов. Слоан пришлось крикнуть ей, чтобы та вышла на улицу. Она сообщила подруге новость так же, как это сделала врач: прямо, ясно и кратко.

Она повесила трубку и присела на корточки, прислонившись спиной к стене из покрашенных шлакоблоков. Она смотрела, как туда-сюда по коридору ходят медсестры в халатах и кроксах на ногах. Она вспомнила, как дрожали у Алби руки, как в тот день в баре он дал ей салфетки, чтобы она обернула ими свои ступни.

Она оставалась в таком положении, пока у нее не онемели ноги.

The Chicago Tribune

ИЗБРАННЫЙ АЛЬБЕРТ САММЕРС СКОНЧАЛСЯ В ВОЗРАСТЕ 30 ЛЕТ

Линдси Рейнолдс

ЧИКАГО, 20 МАЯ: Альберт Тайлер Саммерс, или, как его называли близкие, «Алби», скончался вчера в Северо-Западной мемориальной больнице от передозировки наркотиков. Ему было 30 лет.

У Алби остались мама Кэти и сестра Кейтлин; отец Алби был убит во время нападения Темного в Эдмонтоне, канадской провинции Альберта, в 2005 году.

Альберт был одним из пяти Избранных, победивших Темного 15 марта 2010 года. После того как его имя оказалось в списке кандидатов на особую миссию, составленном по секретному пророчеству, Альберт в возрасте 16 лет был завербован Центральным Разведывательным Управлением в сотрудничестве с Канадской Службой Разведки и Безопасности. Обучение и подготовку он проходил в особо охраняемом секретном учреждении вместе с четырьмя другими Из-

бранными: Мэтью Уиксом, Слоан Эндрюс, Инес Мехия и Эстер Парк.

Следующие несколько лет он провел, воюя с Темным и его армией, выходил невредимым из десятков сражений, в том числе из сражений при Бойсе и битве при Спрингфилдской крепости. В плену у Темного в 2010 году получил необратимые повреждения позвоночника, но продолжал сражаться наравне с другими Избранными, в том числе принимал участие в победной финальной битве против Темного.

После победы Альберт пытался бороться со своей наркозависимостью самостоятельно в течение многих лет, прежде чем попал в клинику по реабилитации в Сан-Диего, штат Калифорния. В интервью в 2013 году он так сказал о своей зависимости: «Я не знал, что с собой делать, после того как закончилась война. Как будто мой мозг уже привык к адреналину, и я продолжал искать его в мирной жизни. Трудно научиться жить по-другому, но теперь я думаю, что у меня получилось. Я живу одним днем. И стараюсь смотреть только на то, что происходит со мной здесь и сейчас».

Его друзья и семья свидетельствуют, что Альберт был добрым и щедрым человеком, обладавшим непоколебимой преданностью тем, кого он любил. Его будут помнить вечно за ту неоценимую жертву, которую он принес человечеству.

Поминальная служба пройдет у Памятника Десятилетию в Чикаго, штат Иллинойс, в пятницу, в 9 часов утра. Пожертвования, сделанные в память об Альберте, поступят на счет

фонда «Один день», финансирующего лечение в реабилитационных клиниках людей с низким уровнем доходов.

Слоан мыла руки в туалетной комнате в крематории. Мыло пахло бинтами.

Весь прошедший день они были заняты всем необходимым: Инес взяла на себя семью Алби, Эстер на расстоянии устраивала все, что связано с похоронами. Мэтт помогал, чем мог, но горе ударило по нему сильнее, чем по всем остальным. Он был опустошен, бледен, его глаза ничего не выражали, из него как будто выкачали всю силу. Эдди отменил все его мероприятия и встречи. Слоан думала, что она понимает, в чем дело: Алби был не просто другом Мэтта, он был тем, кого Мэтт вел в бой, и, к лучшему или к худшему, но он всегда брал на себя ответственность за своих солдат.

Слоан занялась телом Алби. Им даже не надо было обсуждать это, Слоан была единственная, у кого хватило мужества на это.

Она подписала все бумаги и сделала все необходимые приготовления. В больнице ей выдали пакетик с одеждой, в которой был Алби, когда поступил в отделение, а внутри лежали кольцо его покойного брата, скрепка и крошечный, грубо сложенный бумажный самолетик.

Поначалу самолет сбил ее с толку. После ранения Алби отказался от всех видов оригами, его расстраивала беспомощность рук. Поначалу ей захотелось сохранить его на па-

мать, так же, как она сохранит его вещи, которые никогда не постирает, и скрепку. Но ее почему-то очень смущал этот самолетик.

Слоан вытерла руки бумажным полотенцем и посмотрела на себя в зеркало. Выглядела она неважно. Бледная и измученная, волосы сальные, одежда мятая. Она забрала волосы на затылке в хвост, надеясь, что это придаст ей более или менее ухоженный вид, и снова вышла на улицу, где ее ждал работник крематория, который согласился дать ей пару минут на то, чтобы привести себя в порядок.

Присутствовать на кремации было необязательно, но Слоан хотела этого. До этого она уже была на опознании тела, она заставила себя посмотреть на лицо, которое было лицом Алби, но не самим Алби. Его русые волосы торчали, как всегда, в разные стороны, все принадлежало ему, но только в его лице, в его глазах больше не было жизни, он был похож на восковую куклу. Тем не менее она пошла на это. Теперь гроб был запечатан и стоял на тележке рядом с поддоном, который должны были убрать в камеру для кремации.

Оператора крематория звали Уолтер, он был примерно ее возраста, с животиком и с бледным, напряженным выражением лица.

– Вы готовы? – спросил он.

Она кивнула. Уолтер показал ей кнопку, которую она должна была нажать, чтобы запустить процесс кремации.

– Не пугайтесь, если дно гроба очень быстро загорится, –

сказал он. – Там очень высокая температура, поэтому крышка тоже может вспыхнуть сразу же.

– Не переживайте, – ответила она. – Я видела вещи и страшнее.

Уолтер кивнул и отступил назад, глядя, как Слоан подходит к кнопке. Но она была не настолько готова, как ей казалось. Она протянула руку и положила ее на гроб. Бумажный самолетик лежал у нее в заднем кармане.

– Простите, Уолтер, – сказала она. – Вы не могли бы меня оставить на пару минут одну?

Она видела, что он с трудом сдерживает раздражение. Она уже давно обнаружила, что, общаясь с ней, люди делятся на две категории: либо из всех сил стараются быть с ней любезными, либо стараются держать лицо, при этом помышляя о ней невесть что. Уолтер начал тяжело вздыхать, как только увидел ее на пороге крематория, поэтому она поняла, что он относится ко второй категории. Но он кивнул и выскользнул из зала. Слоан подождала, пока за ним закроется дверь, и достала из заднего кармана самолетик.

Она развернула его и разгладила на крышке гроба. Прямо в центре листочка была надпись: «Мне очень жаль. Я больше не могу это нести».

Перед глазами у Слоан все поплыло, она скомкала бумагу в кулаке, сжав его так сильно, что заболели костяшки пальцев. С тех пор, как доктор Харт сообщила им о смерти Алби, она ни разу не заплакала, не проронила ни слезинки. Даже

когда слушала рыдания Эстер по телефону. Даже когда она поднесла к лицу рубашку Алби, чтобы проверить, не пахнет ли она им.

Нам по-любому нести этот крест. Мы всегда так делали.

Слоан упала на гроб и зарыдала, крепко обхватив деревянный ящик. Ей казалось, что она снова теряет брата, только на этот раз все было еще страшнее, потому что с Алби она помнила больше, чем неудобное шерстяное платье, которое было на ней, когда они опускали в землю гроб с Камероном, или то, как он будил ее, когда выпал первый снег, и вытаскивал на улицу, чтобы оставить следы на заснеженной траве.

Она будет вспоминать, как они с Алби пили Боевое Пиво, которое им выдавали после каждого сражения с Темным, взгляды, которыми они обменивались, когда Мэтт включал свой режим Героя, то, как они несли друг друга, когда бежали из плена. Половина ее жизни – это воспоминания об Алби. Они понимали боль друг друга как никто другой.

Теперь на земле никого не осталось, кто смог бы понять ее боль.

Через пару минут рыдания стихли. Так с ней было всегда. Как будто что-то в ней перекрывало поток бесконтрольных эмоций. Она еще какое-то время прижималась щекой к гробу, и дерево стало теплым от прикосновения ее кожи. Затем она выпрямилась, расправила скомканную бумагу, как смогла сложила ее и сунула обратно в карман. Слоан вытерла гла-

за и позвала Уолтера из коридора.

Он встал на свое место, а она встала на свое.

«Пока, дружище», – подумала она, нажимая на кнопку, представляющую собой металлический диск размером с ее кулак. Дверь в кремационную камеру открылась, и Слоан обдало жаром. Гроб скользнул вовнутрь и, как предупреждал ее Уолтер, моментально вспыхнул. Затем дверь закрылась. Дело было сделано.

Из крематория Слоан возвращалась на электричке. Одета она была в свой обычный наряд: бейсболка, низко надвинутая на глаза, темные очки, по уши намотанный шарф. Когда она в детстве впервые приехала в Чикаго, ее поразили поезда, – они так высоко летели над землей, сверкая на солнце. По возможности она до сих пор перемещалась по городу на электричках – в отличие от такси, здесь ей было легче сохранить анонимность. Сегодня она села у окна и смотрела, как солнце садится за стеклянные и металлические небоскребы делового центра города Чикаго Луп.

До квартиры от станции было рукой подать, но ей пришлось обойти весь квартал. Утром у дома собралась толпа фотографов и журналистов, и Слоан пришлось продираться сквозь них к машине, которую вызвал для нее Мэтт. Но сейчас на это все не было сил. Поэтому она пошла к их дому по переулку мимо переполненных мусорных баков, выброшенной мебели и узких гаражей.

Но только она собралась открыть калитку, как заметила во

дворе за забором движение и вспышку фотоаппарата. Выругавшись, Слоан сунула ключи обратно в карман и направилась к соседнему зданию. Она легко вскарабкалась на крышку мусорного контейнера, перепрыгнула через деревянный забор на заросший травой участок. Поднялась три лестничных пролета до самой крыши и с помощью стоявшей тут же швабры открыла люк, ведущий на крышу.

Лестницы поблизости не было, но Слоан, если что, могла подтянуться. Ей пришлось встать на стул, позаимствованный из чьего-то заднего дворика, чтобы дотянуться до люка, и в итоге она сумела взобраться на крышу. Теперь она находилась на одном уровне с крышей своего дома, расстояние до него было около метра. Слоан не раз пользовалась этим способом, когда журналисты становились слишком назойливыми. Она разбежалась и прыгнула, споткнувшись и приземлившись на своей крыше.

Это было ее второй натурой. Поиск новых выходов, новых путей решения проблем. Слоан умела вскрывать замки и разгадывать загадки. Она использовала обычные приемы и техники даже после того, как научилась владеть магией. Это казалось ей более безопасным, учитывая то, что случилось с ней в первый раз во время ее знакомства с миром магии.

Когда Слоан открыла заднюю дверь, она услышала голоса. Кто-то говорил резким сопрано, не похожим ни на голос Инес, ни даже на Эстер, которая в любом случае не могла прилететь раньше сегодняшнего вечера.

Агент Чо сидела на диване с чашкой чая в руках. За пределами своего геодезического купола она выглядела иначе: на ней были джинсы, черный свитер с высоким воротом, волосы были распущены и волнами спадали на плечи. Может быть, Слоан и не стоило удивляться тому, что она увидела, учитывая произошедшее, но тем не менее она была удивлена. До этого момента ни Хэндерсон, ни Чо никогда не приходили к ним домой.

С другой стороны, до этого момента никто из них не умирал.

– Привет, Слоан, – серьезно поприветствовала ее Чо.

Мэтт, сидевший напротив Чо в старом кресле-качалке, принадлежавшем его бабушке, посмотрел на Слоан так, словно только сейчас понял, что она пришла.

– Как все прошло? – спросил Мэтт. Он встал и быстро поцеловал ее в щеку. Слоан окутал знакомый запах кедра и лосьона после бритья, ей вдруг захотелось свернуться рядом с ним на кровати калачиком, найти утешение в шелесте снимаемой одежды, почувствовать хоть что-нибудь, кроме этой зияющей дыры внутри, там, где раньше был Алби. Но холод кольца на ее пальце напомнил ей о том, что когда закончатся похороны, ей придется разорвать их помолвку. Было бы несправедливо по отношению к Мэтту позволить себе найти в нем утешение, чтобы потом разбить его сердце.

– Все прошло, – ответила Слоан. – А у вас тут что происходит?

– Эйлин пришла... выразить свои соболезнования, – сказал Мэтт, усаживаясь в кресло-качалку.

– Вот как, – Слоан посмотрела на нее. Губы Чо скривились в гримасе, которая была похожа не столько на горе, сколько на... чувство вины.

– Правда? – сказала Слоан.

Чо теребила нитку от чайного пакетика, которая была обернута вокруг ручки ее кружки. Это была кружка, которую подарили Мэтту в детстве в NASA, она была украшена звездами, космическими кораблями, а по краю, как на знамени, было написано «МЭТЬЮ».

– Есть еще кое-что, – призналась Чо. – Технически, это засекреченная информация, и я... – Она посмотрела в окно. Голубые огоньки гирлянды в окне напротив мигали так часто, что вполне могли бы вызвать у кого-нибудь эпилептический припадок. Слоан увидела, как семья из четырех человек садилась за стол ужинать.

– Я не должна вам ничего говорить, но считаю, что необходимо соблюдать кодекс чести, так что... – сказала Чо.

– Это касается нового устройства, не так ли? – спросила Слоан.

Чо кивнула:

– Что-то пошло не так. Ну, технически устройство заработало, поэтому АИСЯ посчитало, что все получилось, но...

Слоан заметила, как быстро поднимается и опускается грудь Чо, как на ее шее выступили вены.

– У Алби всегда хорошо получалось работать с огнем, – сказала Чо. – Поэтому мы договорились, что он попробует использовать устройство для того, чтобы поджечь бумажный шар в контролируемой среде. Рядом с нами стояли техники с огнетушителями, Алби был в огнезащитном костюме, мы соблюдали все необходимые меры предосторожности. Поэтому он направил прибор на бумажный шар и...

Чо покачала головой.

– Огонь вышел из-под контроля, – продолжила она. – Он охватил трех наших техников. Двое из них получили незначительные ожоги, но Дэррик, тот, который стоял прямо на линии огня...

– Умер, – продолжила Слоан.

– Да.

Слоан видела раньше, как Алби манипулирует огнем. Он брал Вольные пули в свою левую руку, сжимал в кулаке, поднимал правую... и свет, жар, языки пламени начинали танцевать вокруг его пальцев. Никто из них толком не понимал, как управлять своими артефактами, поэтому иногда огонь просто мерцал на его ладони, а иногда с помощью огня он мог сровнять с землей целое здание. Их магия всегда была непредсказуемой, поэтому в момент использования магических артефактов было лучше, если присутствовали все пятеро, – таким образом они могли усиливать действие друг друга.

«А если от твоей помощи погибнут люди? – сказала она

ему тогда. – Тебе придется нести этот крест до конца жизни».

Пророческие слова.

Слоан засмеялась в голос.

– Сло, – Мэтт смотрел на нее с широко раскрытыми глазами.

– Ну, спасибо за ваше маленькое откровение, Чо, – сказала Слоан. – Теперь вы можете идти.

– Простите, Эйлин, – сказал Мэтт. – Она не... – он оборвал фразу на полуслове и замолчал.

– Я понимаю, – сказала она, поднимаясь. – Дайте мне знать, если у вас возникнут вопросы. Я, конечно, не смогу ответить на них по телефону, но вы можете просто попросить о встрече за чашкой чая, и я пойму, что вы имеете в виду.

Она протянула свою полупустую кружку Мэтту, избегая смотреть в глаза Слоан, и взяла пальто и сумочку, которые лежали на столике рядом с входной дверью. Мэтт пошел проводить ее, но прежде чем выйти из квартиры, укоризненно покачал Слоан головой.

Когда дверь закрылась, она не думала ни секунды. Она схватила ключи, кепку, свитер и побежала к задней двери.

Еще десять минут назад ей было важно не привлечь внимания репортеров, но теперь ей было все равно. Не обращая внимания на вспышки и щелчки фотокамер, она сбежала вниз по черной лестнице на три пролета, затем завернула за угол и оказалась перед входом в подвал. У каждой кварти-

ПРОГРАММЕ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
АИСЯ (АГЕНТСТВА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ) ПРОТИВ
ВНУТРЕННЕГО ТЕРРОРИСТА, ИЗВЕСТНОГО КАК
«ТЕМНЫЙ»

Вашингтон, округ Колумбия

Четверг, 28 октября 2010 года

Показания Мэтью Уикса, субъекта 4-го проекта «Ringer»; Слоан Эндрюс, субъекта 2-го проекта «Ringer»; Эстер Парк, субъекта 1-го проекта «Ringer»; и Инес Мехия, субъекта 3-го проекта «Ringer».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.